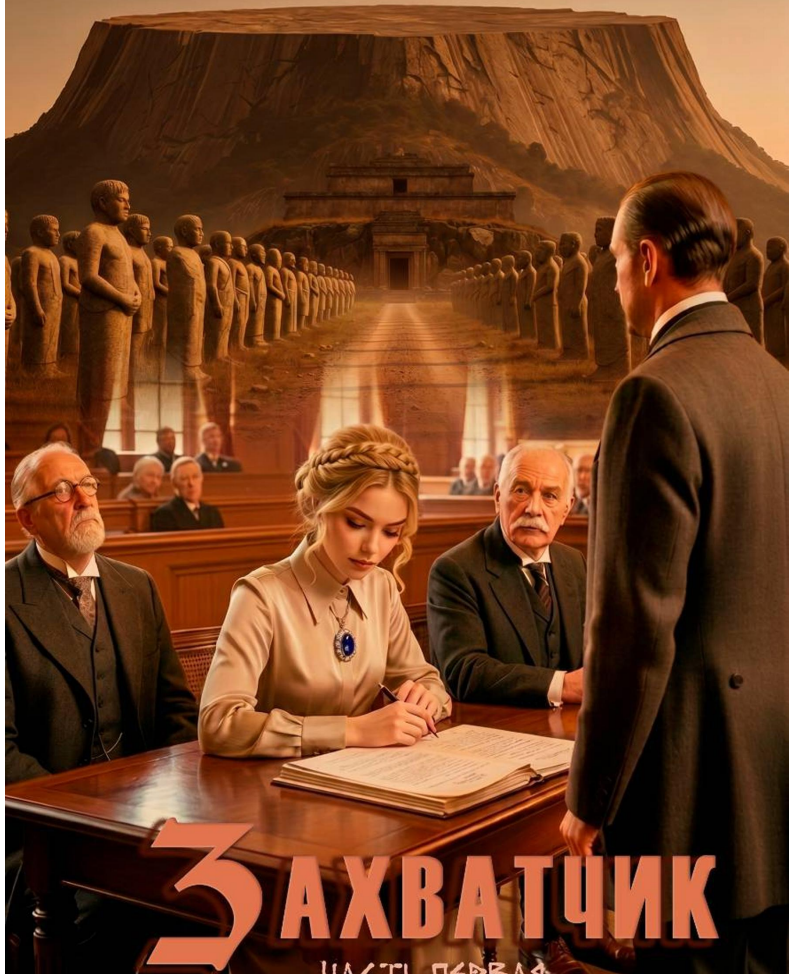

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

ЗАХВАТЧИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МИР «КОРОЛЕВСКОЙ ШКОЛЫ»

Александра Плен

Захватчик. Часть 1

<https://litres.ru/74126012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ария Марта Хорн. Кто она настоящая? Ослепительная надменная красавица, редчайший цветок Альтии, богатейшая наследница, «глас короля», подруга королевы? Или женщина, забывшая, что значит быть женщиной, работающая на износ, не доверяющая людям, чья душа покрыта шрамами? Ей придётся сделать выбор — выйти замуж по расчёту за того, на кого укажет монарх, или довериться сердцу и шагнуть в неизвестность.

История дочери Денизы Крей из «Королевской школы».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	70
Гла	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александра Плен

Захватчик. Часть 1

Глава 1

— Виновен!

Верховный судья стукнул молотком о деревянную подставку.

— Приговор — десять лет каторги!

Я вздрогнула и вынырнула из задумчивости.

Вокруг меня по-прежнему восседали члены суда, а в центре зала всё так же стоял герр Садик, теперь уже бывший замминистра сельского хозяйства, но от его важности и лоска не осталось и следа. Жалкий, взмокший от пота, с красными слезящимися глазами и трясущимися руками, сейчас он мог вызвать в сердцах присутствующих лишь презрение и брезгливость.

Я перестала слушать его ещё на той стадии, где он начал жаловаться на судьбу: его никто не понимает... жена закрутила роман с более богатым соседом... а тёща пилит за то, что их мобилю уже пять лет.

Если бы я не знала, что Садик происходит из семьи потомственных чиновников, а в жёны он взял девицу с огромным приданым, то может быть, я бы его пожалела.

Может быть... Но скорее, нет... Ненавижу лжецов.

— Но ведь никто не пострадал, — без умолку блеял он.

— Ну и что, что удобрения не те... растениям-то всё равно!

Я стиснула зубы.

“Никто” — это фермеры, которые три года подряд теряли посевы и брали займы под будущий урожай, отдавая себя в руки кредиторам. “Никто” — это дети, которым в конце зимы варили похлёбку из одной крупы. “Никто” — это женщины, которые шли в лес собирать ягоды, грибы, коренья, чтобы хоть как-то накормить семью.

Фермеры списывали неурожай на “внешние факторы”: погоду, насекомых, грызунов. А копать следовало не в полях, а в самом сердце Альтеи — в министерстве.

Три года Садик присваивал разницу между удобрениями высшего качества и дешёвой калийной солью, которой подменяли продукцию. Вместе с ним пошли под суд и более мелкие участники схемы, изготовители контрафакта и те, кто менял этикетки на мешках.

— Ария Хорн, у вас есть замечания по показаниям подсудимого? — вежливо обратился ко мне Верховный судья, подобострастно заглядывая в лицо.

Формально я всего лишь консультант. Неформально — я могла разнести карьеру любого из сидящих здесь одной фразой.

Я пожала плечами.

— Нет, — ответила коротко. — С приговором согласна.

Заседание закончилось. Конвоиры вывели герра Садика из зала. Я тоже засобиралась на выход.

Отец ушёл с должности Верховного судьи в прошлом году, и без него в зале стало как-то скучно и тоскливо. Раньше, на таких вот затянутых заседаниях мы обменивались шутивными записками, рисовали крошечные карикатуры на полях повесток, считали кашляния и падения ручек, споря о финальном счёте, составляли список дел «после этого бесконечного заседания» — от пирожных в кафе до прогулки по набережной и ещё много всего другого. Мой отец великий выдумщик, а я — его любимая дочурка.

Сейчас семья в Фабрии. Год назад мама родила мне братика. Роды выдались тяжёлыми, и папа — великий параноик, когда речь заходила о мамином здоровье, — не стал рисковать ни дня. Он буквально сгреб её и младшего в охапку и увёз в дальнее поместье, где воздух чище, а стены — толще и надёжнее. А также пригласил туда погостить пару своих друзей из семейства Бергов. Уж очень те любили знаменитое вино Фабрии. Под нажимом отца двое потомков великого рода лекарей оказались на вынужденном отдыхе.

Короля же отец поставил перед фактом: в ближайшее десятилетие нас не ждите. А если уж так сильно захотите пообщаться — милости просим, приезжайте сами.

А с новым Верховным судьёй, серьёзным солидным дядечкой шестидесяти лет от роду, особо не побезобразничай. Всё строго, степенно и скучно. Наше любимое величе-

ство Эдвард Рем Шестнадцатый хотел назначить главной меня, но я отказалась. Какой из меня судья? Двадцать пять лет всего. Как я буду смотреться среди всех этих важных особ в сюртуках? Останусь, как и была раньше, консультантом.

Напротив двери в зал Верховного суда, прислонившись к стене и сложив руки на груди, ждал Алан.

Лучший друг — и наследник престола. Высокий, худощавый, темноволосый, с крючковатым носом и узким подбородком — вылитый Рем. Сегодня у принца юбилей — ему исполнилось двадцать. Официальные торжества впереди, а в этот день он уговорил меня отметить праздник вдвоём — на крыше дворца. И не желая терять ни минуты общения, терпеливо дожидался окончания заседания под дверью.

Официально мы были представлены друг другу десять лет назад на очередном королевском балу. Юный принц подошёл к пятнадцатилетней дебютантке, взял меня за руку и простодушно с детской непосредственностью выдал:

— Ты самая красивая девочка в этом зале, будешь моей женой.

Все вокруг дружно расхохотались: мама, папа, брат и даже пара ариев, оказавшихся рядом. Я, конечно, тоже. В тот момент Алан едва доставал мне до плеча — смешной, упрямый мальчишка, который с важным видом нёс ахинею.

Я бы давно вычеркнула тот эпизод из памяти, если бы принц не напоминал о своём решении при каждой нашей встрече. В последний раз это произошло пять лет назад. Ала-

ну стукнуло пятнадцать, «юный жених» заметно вытянулся, сравнялся со мной ростом, но, честно говоря, на этом его «преимущества» и заканчивались. Внутри он всё равно оставался той самой надоедливой малышнёй — по крайней мере, в моих глазах.

Я тогда по макушку была погружена в первую в своей жизни любовь. Сердце пело его именем, разум заволкло розовым туманом, я думала о свадьбе, строила планы, представляла будущее. На фоне всего Алан со своими детскими заявлениями выглядел особенно неуместно. Поэтому я отшила его грубо, резко, без лишних объяснений — просто потому, что мне было не до него и не до его фантазий.

После этого он больше ни разу не заговаривал о женитьбе. Будто понял, что время шуток прошло — или, наоборот, что ему здесь ничего не светит. Зато всегда старался держаться рядом, став для меня хорошим верным другом.

Воспоминания вконец испортили и так не слишком хорошее настроение.

— Ну как всё прошло?

Алан задал в общем-то обычный вопрос, но я взвилась так, словно в меня ткнули раскалённой иглой. Усталость, раздражение, злость, накопившиеся за день, наконец, нашли выход.

— Драное отродье! — выругалась я, резко останавливаясь посреди коридора. Слова полились ядовитым потоком: — Одно и то же изо дня в день! И ничего не меняется! Один

ворует, другой убивает, третий предаёт... и все, абсолютно все, врут!

Алан опустил голову и криво улыбнулся в сторону, пряча глаза.

Мне вдруг стало мучительно стыдно. Что на меня нашло? В последнее время я вспыхиваю, как порох, даже спичку подносить не нужно. Любой пустяк мог вывести из себя.

— На каторгу отправили. Десять лет. — Уже спокойным тоном ответила я. Алан уж точно не виноват в том, что сейчас меня нервирует даже цвет панелей в коридоре.

Мы поднимались по винтовой лестнице на крышу, в наше "тайное место", ставшее таковым буквально в прошлом году, после того как я случайно встретила ночью с принцем, когда он рассматривал звёзды в телескоп, а я бродила по лестницам взад-вперёд, стараясь уснуть.

Рука принца дрогнула, готовая поддержать меня на повороте, но так и не коснулась. Знает, что в таком настроении ко мне лучше не лезть. Я натянула приветливую улыбку — не буду портить другу праздник.

Усталость была такой, что хотелось лечь прямо на ступени.

Она накапливается годами, и годами я держу её в себе. Понимаю, что рано или поздно сорвусь, разлечусь на осколки и только боги знают, что случится со мной потом. Устрою истерику, уйду в монастырь или натворю непоправимого...

— Ты же не только из-за суда так разозлилась? — Алан

всё-таки отважился на вопрос.

— Не только, — ответила хмуро. — Утром Эдвард опять прислал список претендентов. Просил “рассмотреть” и познакомиться на следующем балу.

Раз в месяц Его величество выкатывает мне перечень особ мужского пола, жаждущих породниться с арией Мартой Хорн. Интересно, что большинство из них меня даже в глаза не видело. Я всё жду, когда же они кончатся! Но, такое ощущение, что, если я не выберу из аристократов, через годик и мне начнут предлагать мужчин из среднего сословия, а там уже и до простолюдинов недалеко.

Ну да, я же самый важный маг в королевстве. Меня нужно беречь и приумножать. То есть, размножать. То есть, получить как можно больше детей с моей способностью в будущем... Ну вы поняли.

Сейчас в королевстве пять действующих магов, точнее, семейств с магией. Турги умеют взаимодействовать со всеми видами растений, Фархи — с животными. Зорги чувствуют землю и камни, Креи — металл. И лишь одна я могу коснуться человеческого разума, пусть и в крошечной его части — распознать правду говорит человек или ложь.

Остальные маги, а много сотен лет назад их было тридцать два, утратили свои способности. Как оказалось, сделать это проще простого — нужно лишь с помощью магии убить самому или поспособствовать смерти какого-нибудь человека.

Наша Альтея прогрессивное королевство, промышлен-

ность на подъёме, наука и культура тоже. Железные дороги густо расчертили её карту, соединяя самые дальние уголки. Почти в каждой зажиточной семье есть мобиль, газеты давно печатаются с фотографиями, книги и образование стали доступны всем.

Домашние животные давно одомашнены, дикие живут или в заповедниках, или в зоопарках. Настоящей работы Фархам нет. Турги тоже не у дел — растения изучены вдоль и поперёк, а новейшие удобрения позволяют снимать в некоторых районах по два урожая за год. Иногда Зоргов зовут на помощь в тяжёлых случаях, но чаще туннели или дороги в горах прокладывают с помощью огромных машин с вращающимися лопастями и ковшами, разрывающими землю. Мой брат, Тимур Крей, работающий в королевской кузне с металлом, рассказывал, что лишь иногда помогает делать первые образцы — сложной формы конвейеры, корпуса или винты. А дальше отдаёт заготовку на завод, где вступает в дело штамповка.

Значит, самым ценным магом остаюсь лишь я. Меня, увы, машиной не заменить. Вот и достаёт король судебного консультанта в моём лице, чтобы он скорее обзавёлся потомством. Его величество, наверное, даже согласился бы на детей без брака, но тут уж я встала в позу. Я же ария, а не какая-нибудь герра. Мне по статусу не положено рожать бастардов.

Но главное преимущество было в том, что мама взяла с

короля слово (даже не слово, а настоящую клятву): он не будет насильно выдавать меня замуж, лишь подкидывать варианты. И только от меня будет зависеть окончательный выбор. Вот и передаёт мне Эдвард через секретаря раз в пару месяцев списки подходящих по статусу и возрасту женихов.

Я почувствовала, как к горлу опять подкатывает раздражение.

Да ну вас всех!

Мы с Аланом вышли на крышу. Слуги уже всё подготовили. У края, со стороны залива расставлены кресла, над каждым — кружевной полог от солнца и ветра. На низких столиках стоят мои любимые блюда — морепродукты, запечённая белая рыба в сливочном соусе, свежие тропические фрукты в розетках, шоколад, орехи в меду. Бутылка белого вина, хрустальные бокалы....

Мне стало стыдно. Пришли отмечать день рождения Алана, а на столах — всё, что люблю я.

— Я приготовила тебе подарок, — горестно вздохнула, вспомнив о позолоченном секстанте, оставленном на полке, — он у меня в комнате. Спустимся, я отдам.

— Ничего страшного, — отмахнулся Алан. — Ты сейчас со мной, вот лучший подарок.

Я смущённо хмыкнула и упала в кресло.

— Наливай! Мне срочно нужно расслабиться!

Перевела взгляд на залив. С высоты королевского дворца он был как на ладони. Слева — огромное здание Королев-

ской школы (точнее уже академии, её переименовали десять лет назад), где учились я, брат, мои родители, да и все арии в стране; прямо — порт Шалира; дальше на расстоянии пяти миль от берега виднеется ближайший к материку остров, названный вдовым. Там расположен дворец королевы-матери. Мама Эдварда ещё жива, но очень старенькая и давно уже не появляется на балах. Отец короля, Рем Пятнадцатый, умер ещё двадцать лет назад. Там какая-то мутная история, вроде под конец жизни он совсем сошёл с ума и никого не узнавал.

После двух полных бокалов, которые я осушила почти что залпом, жизнь стала веселей. Алан тепло улыбался, больше смотрел на меня, чем на залив, а я не могла оторвать взгляд от тонкой золотой полосы, проложенной закатным солнцем по воде — она тянулась вдаль и растворялась за горизонтом. Вот бы отправиться по ней в путешествие. Уплыть далеко-далеко, в страну, где меня никто не знает.

Нет! Люди везде есть.

Значит, уплыть туда, где буду я одна и вокруг ни души. Ни вранья, ни правды, ни откровений, ни приговоров, ни женихов. Жить на необитаемом острове, наедине с природой. Пусть даже животные будут, они мне не мешают.

Вот только проблема: в хозяйственно-бытовых вопросах я полный ноль... даже пуговицу себе не пришью — слишком привыкла, что за меня всё делают другие.

— И кто в списке женихов? — поинтересовался вдруг Алан равнодушным тоном. Но я-то видела — волнуют его

мой женихи. Больше, чем меня волнуют. Не умеет ещё скрывать принц свои истинные мысли.

— А, — легкомысленно отмахнулась я, — никого не знаю в лицо. На балу познакомлюсь. Кто-то из провинции.

Все они сначала хорошие. Как на подбор, симпатичные, обходительные, галантные и щедрые. Водят по ресторациям, целуют руки, говорят цветистые комплименты, обещают сказочную жизнь. Но нутро-то у всех одно, и рано или поздно они его показывают. То маленькая ложь, то случайная оговорка, то не слишком безобидная шуточка, то необъяснимая странность. И все эти огрехи множатся и множатся, и в итоге превращаются в одно большое болезненное разочарование. И тогда я честно спрашиваю, вплетая в вопрос слова божественного языка — зачем вам женитьба на арии Марте Хорн? И в ответ слышу почти одно и то же, меняется лишь степень наглости «жениха» и размах его амбиций: породниться с ариями, войти в ближний круг короля, выторговать себе высокую должность, деньги, почёт, красавицу-жену в придачу, всеобщую зависть и прочие приятные бонусы.

Спустя пару десятков претендентов я решила вообще начинать знакомство с этого вопроса, свободного времени стало гораздо больше, а обязательных свиданий меньше.

Лишь однажды я получила ответ: «потому что безумно люблю тебя». С этим человеком я хотела связать свою жизнь пять лет назад. Но... не сложилось.

— Слышала? Яр Нурв опять влип в скандал. В последнем

«Королевском вестнике» вышла статья, — Алан взял бутылку и долил мне вина.

— Да, читала, — отозвалась меланхолично, — если бы не Нурвы, то журналистам и писать было бы нечего. Меня больше волнует отпрыск Умара. Ты же с ним учился в академии?

Принц скривился и кивнул.

— Во дурак...

— Дурак, — согласился со мной Алан, — что поделать, раз в сезон какой-нибудь арий-недоумок обязательно попытается вернуть себе магию, бросившись грудью на кинжал.

— В этот раз наследнику повезло отделаться больницей, а не кладбищем, — закончила я.

По легенде, арии ведут свою родословную от самих богов. Эти самые боги и оставили нам «подарочек» — условие потери и обретения магии — «убьёшь — потеряешь, умрёшь — обретешь».

Только относительно недавно удалось раскрыть этот секрет, когда мой отец, арий Торус Хорн, спас мою мать Денизу Крей, закрыв её собой от смерти. Почти умер, долго лечился, но в итоге, выкарабкался. Как рассказывал сам — ему помогло обещание любимой выйти за него замуж. Он так хотел назвать её своей, что даже смерть отступила.

И магия Хорнов, утраченная много поколений назад, вернулась и воплотилась во мне, его дочери.

После того, как новость обнародовали, многие арии попытались схитрить и обыграть смерть, спасая кого-нибудь по-

нарошку. Это не срабатывало. Одни наследники гибли в погоне за силой, другие навсегда остались инвалидами.

Король запретил подобные эксперименты — и смертей стало меньше. Но всё равно находится кто-то, кто решается попробовать... Но пока что, кроме Торуса Хорна, вернуть магию не удалось никому.

Я поставила на стол третий опустевший бокал. Тишина была удивительно хороша — такая умиротворяющая, пропитанная густым влажным воздухом и сладковатым ароматом цветущих летних трав. В такие минуты кажется, что времени не существует: сиди себе и сиди так хоть до рассвета, слушая ночь и собственное дыхание.

Но в какой-то момент мы с Аланом одновременно решили нарушить это спокойствие — оба в один и тот же миг открыли рот. Мне-то можно было простить: я была уже прилично навеселе. А вот кронпринцу... Он ведь не выпил ни капли. Лишь молча мне подливал и следил, чтобы тарелка не пустела.

— Марти, — начал Алан серьёзно, — мне уже двадцать, и ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

— Вот скажи, почему люди такие идиоты?! — воскликнула я, перебивая, пьяно взмахивая рукой. — Ему же всего сорок, он сделал отличную карьеру, у него хорошая зарплата, дом в приличном районе... Ну чего ему не хватало?

Алан сжал губы и тяжело вздохнул. Понял, что пока я не выговорюсь, не успокоюсь.

— Всегда одно и то же, — продолжила запальчиво, — то зависть, то ревность, то трудное детство, то стыд бедности, то жажда власти... то просто скука. И все себя оправдывают. Никто перед судом не сказал, я виноват, потому что я плохой человек, преступник, вор, убийца. Нет, каждый находит себе оправдание! И даже зная, что его всё равно выведут на чистую воду, один идёт подделывать векселя, другой поджигает соседа с топором. Почему люди такие... люди?!

Алан молча на меня смотрел. И это его молчание было хуже упрёка. Я почувствовала, как щёки заливают предательский румянец. То ли от выпитого вина, то ли от неловкости.

— Извини... — тихо проговорила я, виновато улыбнувшись. — Ты что-то хотел сказать, а я перебила. — И уже громче и веселее: — Поздравляю с двадцатилетием! Ты замечательный человек и хороший друг. Хочу пожелать тебе счастья и любви.

Алан резко отвёл взгляд в сторону, словно в моих словах прозвучало что-то обидное.

— Прости, что сегодняшняя вечер получилась не такой, как ты хотел...

Я смотрела на его напряжённый профиль и понимала, что своим унынием и нытьём испортила праздник не только себе, но и ему.

— Мне нечего прощать, — наконец глухо произнёс принц, всё ещё не глядя на меня. — Ты просто устала. Мой отец выжимает все соки из верных ему людей. Сам работает

с утра до ночи и думает, что остальные обязаны так же. У них с мамой по этому поводу постоянные ссоры.

Я кивнула. Эдвард действительно знатный трудоголик. И то, что в кругу своих он просил обращаться к нему по имени, не делало его мягче.

Все действующие маги — Креи, Хорны, Фархи, Зорги и Турги — давно превратились в одну большую дружную семью. У каждого во дворце есть собственные апартаменты, и я ночью здесь даже чаще, чем в своём столичном особняке.

— Ещё раз прости, — я горестно опустила голову, — мы собрались, чтобы отметить твой праздник, а я вывалила на тебя свои проблемы.

— Твои проблемы — мои проблемы, — сказал Алан странную фразу. — Я рад, что ты выговорила, что я смог быть полезен тебе хоть так. — Помолчал и добавил: — я поговорю с отцом. Тебе, действительно нужен отдых. В последнее время ты сама на себя не похожа.

Я криво усмехнулась и опять уставилась на море. Слишком кронпринц хороший, слишком добрый и честный. Не таким должен быть правитель. Да и сам Алан не раз говорил, что не хочет надевать корону. «У меня четыре брата, отцу есть из кого выбрать, — рассуждал он, многозначительно на меня поглядывая. — Есть кого женить на принцессе».

Это правда. Королева родила Рему пятерых сыновей. Дочери, которую так хотело наше величество, увы, не получилось.

И если бы не разница в возрасте, лучшего кандидата в мужа мне было бы не найти. Я бы даже смогла закрыть глаза на то, что не люблю его так, как он того заслуживает. В конце концов, если мой брак всё равно будет по расчёту, какая разница?

Он умный, спокойный, уравновешенный — именно то, что нужно моему взрывному характеру. И что особенно ценно: он ни разу мне не солгал. Он мог промолчать, недосказать, увести разговор в сторону, но прямой лжи между нами никогда не было. Он знал, как сильно меня злит враньё.

Я твёрдо знаю — врут все. Хитрит мама, когда уверяет «всё прекрасно», а сама белая от головной боли; обманывает папа, защищая от выдуманных им самим страхов; недоговаривают король и королева, ограждая подданных от неприглядной правды; врут учителя, восхваляя ученика не «по заслугам», а из-за преклонения перед громкой фамилией; мои одноклассники и даже судьи Верховного суда.

Эта ложь оседает на языке едкой горечью, стекает в пищевод, вызывая тошноту. Я привыкла с ней жить годами. Каждая имеет свой неповторимый вкус, и его я изучила досконально. Мелкая — как сухая пыль на зубах: противно, но терпимо. Наглая, беспардонная ложится металлом на нёбо, портя аппетит до вечера. А от той, что пахнет кровью, я сама медленно умираю.

В глубоком детстве у меня были визуальные подтверждения искренности говорившего — если человек лгал вокруг

его головы словно скапливалось тёмное облако, потом, когда я повзрослела, у лжи появился вкус, и чем старше я становилась, тем он делался разнообразнее. А сейчас и вкус постепенно уходит, я и так твёрдо знаю, кто врёт, а кто нет, даже не нужно говорить мысленно «чиир» (ложь на божественном языке).

Сама выбрала этот путь — выслушивать признания ма-
няка, убившего семерых детей, его ровный, буднич-
ный голос, когда он вспоминает их мольбы и крики. Смотреть на
милую деревенскую старушку и знать, что её рука вылила яд
в общий колодец, от которого в страшных мучениях умерло
тридцать односельчан. А с ней всего лишь забыла поздоро-
ваться соседка. Видеть благопристойного герра, аккуратно
поправляющего галстук, который много лет насиловал свою
падчерицу...

Ни мама, ни папа не хотели, чтобы я погружалась в эту
липкую мерзость, маралась чужими грехами, видела извра-
щённую изнанку человеческой подлости и жестокости.

Но выбор был сделан мной в четырнадцать лет. Уже тогда
я знала, куда пойду и кем стану.

Я помню тот день, словно он был вчера. Мы ехали с се-
мьёй на мобиле мимо центральной площади. Там собира-
лись казнить какого-то преступника. Его тащили по лестни-
це к эшафоту, где ждала виселица. Он вырывался яростно,
из последних сил. И кричал... кричал, захлёбываясь возду-
хом, что невиновен, что это ошибка, но его никто не слушал.

— Останови машину! Останови! — заорала я отцу.

Выскочила из мобиля и побежала, расталкивая толпу локтями, спотыкаясь, падая, получая тычки и подножки.

Вокруг меня смеялись. Зеваки рвались вперёд, чтобы лучше разглядеть последние трепыхания человека. Дети грызли леденцы на палочках, женщины прижимали к груди корзинки со снедью, хихикали и перешёптывались. Для них это было представление.

Я выпала на мостовую прямо перед помостом. Палач уже накинул петлю на шею и вот-вот собирался дёрнуть рычаг люка.

— Он говорит правду! — закричала я во весь голос. — Отпустите! Он — невиновен! Невиновен!

Я орала так, будто криком можно было удержать этот проклятый люк на месте. Будто мой вопль способен отменить саму смерть.

Потом меня догнали родители с Тимом. Отец пошёл к конвоирам, объяснил ситуацию, взял ответственность за срыв казни... Мама во дворце заявила к королю и потребовала прекратить многовековую варварскую традицию казней на центральной площади.

Всё это было потом...

И оправдания отца, что он не помнит этого человека — или приговор выносил не он, или, как иногда бывает, подписал бумаги не глядя.

— Милая, я физически не могу за всем уследить, — ка-

ялся арий Торус Хорн, — в Шалире десяток судейских магистратов, приговор мог и не попасть на мой стол для подтверждения.

И ответ короля, что публичные казни держат народ в повиновении и вызывают страх у преступников.

И косые угрюмые взгляды вызванных на ковёр прокуроров, судей и их помощников, которые занимались этим делом.

Но именно тот случай перевернул моё сознание. Я впервые увидела, как судейская ошибка может отнять жизнь у живого, дышащего человека. Это потрясло меня до глубины души. Ради того, чтобы такие ошибки больше никогда не повторились, я и решилась стать судьёй так рано, наплевав на запреты родителей.

Даже одна спасённая жизнь стоит всей той грязи, которую на меня вылили за следующие одиннадцать лет.

Я запачкана ею с ног до головы. Уже давно не умею при первой встрече безоглядно доверять незнакомцу: в каждом слове ищу ложь, в паузах — спрятанный смысл. Но ради одного единственного «невиновен» — можно жить и с этим. Только всё больше и больше удостаиваюсь, что никогда уже не полюблю — на свете просто нет того, кто подошёл бы мне... принял меня... понял меня...

А если и выйду замуж, то от безысходности — продолжить род Хорн.

Двадцать пять лет мне исполнилось весной, и даже по

меркам высших аристократов, которые женятся позже, чем простолюдины, я засиделась в девичестве. Все знакомые, с которыми я училась в школе, уже с семьями. А некоторые и с детьми.

С Аланом мы простились у двери моих апартаментов. Я вручила ему секстант, ещё раз поздравила — и почти бегом скрылась в спальне, делая вид, будто не замечаю, как он тянет прощание, как смотрит на меня — неотрывно, пристально, с умоляющим блеском в глазах.

Нана, моя личная дворцовая горничная, дремала в кресле, дожидаясь меня. Помогла снять платье, набрала ванну.

— Ария Хорн, — обратилась ко мне, когда я её уже отпустила, сказав, что искупаюсь сама, — я могу взять завтра выходной? Мама приболела, мне нужно съездить в пригород.

— Можешь, — ответила коротко и закрыла за собой дверь ванной комнаты.

Прислонилась к стене и начала медленно считать вдохи и выдохи. Потом зажала руками рот и бросилась к унитазу. Меня вывернуло вином, ужином и ложью, которую только что мне «скормила» Нана.

Зачем?.. Не понимаю. Неужели она думала, что я не отпущу её, если она скажет правду? На свидание собралась, по магазинам, в ателье или просто погулять? Люди... врут, как дышат. Нигде не скрыться от этой лжи.

От прекрасного ужина в желудке ничего не осталось. Шатаясь, я подошла к ванной, погрузилась в пену и закрыла гла-

3а.

Глава 2

На следующее утро меня вызвали в кабинет Его величества Эдварда Рема Шестнадцатого.

— Почему молчала? — встретил меня король вопросом. — Алан сказал, что ты уже на пределе.

Я передёрнула плечами. Предел — он такой: может наступить и завтра, и через пару месяцев. Но, видимо, Алану виднее.

— Возьми неделю. Уезжай к родителям в поместье, отдохни. — Эдвард всмотрелся в моё лицо и добавил: — лучше пару недель.

Неужели я так плохо выгляжу?

— А как же завтрашний суд? — поинтересовалась равнодушно.

— Без тебя справятся, — отмахнулся Эдвард, — справились же как-то раньше.

— А бал?

Король пожевал губами.

— Даю перерыв до следующего.

Ну да, здоровая и счастливая Хорн важнее каких-то провинциальных ухажёров.

— Хорошо, — кивнула я, — спасибо.

И уже выходя за дверь услышала приглушённое: «Простила бы Демиса. Всем было бы лучше».

Имя резануло по сердцу застарелой болью: ещё не забытое, всё такое же близкое, но уже с привкусом горечи на языке. Значит, король в курсе той истории... неудивительно, на Эдварда работают лучшие шпионы. Я стиснула зубы и бесшумно закрыла за собой дверь.

В приёмной столкнулась с королевой и арием Ките, руководителем научного сообщества Альтеи, профессором, исследователем, почётным бессменным ректором Королевской академии и прочее, прочее.

Лия терпеливо ждала, пока муж освободится.

— Здравствуй, Марта, — заулыбалась она, — ты знакома с Рогером? Он готовит большую статью в «Познание». Хотела показать её сначала Эдварду для согласования.

Я вежливо поздоровалась с арием. Конечно, я его знала — Ките был хорошо известен всем студентам: пусть и нечасто читал нам лекции, но каждая из них запоминалась, как редкое сокровище.

Мы обменялись парой вежливых фраз, и я пошла дальше, стараясь сосредоточиться на своей цели, а не на мысли о том, что даже научные статьи «нужно» согласовывать с Его величеством. Для блага королевства, само собой.

Итак. Отдых. Уединение. Тишина. Слова звучали заманчиво, но стоило представить поместье Фабрии — и внутри меня поднимался протест.

Нет, в Фабрию не поеду. Родителей люблю, младшего братика обожаю, поместье считаю лучшим местом для жизни.

Но... там будут люди, а это значит, я неосознанно начну проверять каждого на правду или ложь. Слуг, работников, родных и друзей... Нет!

Хочу на необитаемый остров! Яхта полностью готова к такому путешествию: она оборудована всем, от душа до кухни, а трюмы можно забить припасами под завязку. Управлять ею я умею, спасибо отцу. Он сам научил меня этому после того, как подарил яхту на очередной день рождения.

— Не пущу! — категорично заявил Алан в ответ на озвученные мной планы, — необитаемых островов поблизости нет. А дальние... небезопасны. Если не пираты, то контрабандисты, или просто бандиты. Мимо такого лакомого кусочка, как ария и наследница богатейшего рода, они точно не пройдут.

С огромным сожалением, но мне пришлось согласиться с его аргументами. Я же ценнейший маг королевства. А везти с собой охрану — это как объявить «мне нужна тишина» и тут же устроить салют.

— Тогда куда? — спросила я.

Алан помялся.

— Ты ведь, конечно, не захочешь, чтобы я поехал вместе с тобой.

Он договорить не успел: ответ уже был написан у меня на лице. Алан коротко кивнул — мол, понял.

— Тогда... вдовый остров, — предложил осторожно. — У бабушки огромный замок. Там можно устроиться так, что

вы и пересекаться не будете. И охраны достаточно, и слуг — сколько угодно.

Я хмыкнула. Ирония была почти смешной: именно от охраны и слуг — от всей этой вечной суеты я и пыталась уехать. В том числе.

Алан заметил выражение моего лица и, не настаивая, тут же подкинул другой вариант:

— Может тогда в одном из заповедников поселишься?

— В шалаше жить не хочу, — вздохнула я. — Мне бы и удобства, и абсолютную уединённость.

Алан помолчал секунду, словно перебирая в голове карту королевства, и наконец сказал:

— Тогда — в Альтею.

Я непонимающе уставилась на друга. Я *и так* в Альтею.

— В провинцию Альтею. Сейчас там на многие мили — ни одной живой души. Первый Храм объявили территорией под личной охраной короля, а Гора Богов и без того священное место: туда никто просто так не сунется. Ближайший город — в часе пути на мобиле.

Наше огромное королевство выросло из скромного поселения у подножия гор. Древние сказания гласят, что именно там наших предков посетили сошедшие с неба боги. В те далёкие времена эта земля называлась Альтеей, но по размерам была меньше любой из нынешних провинций. Забавно, что колыбель нашей цивилизации до сих пор носит то же имя. Словно в самом сердце могучего государства до сих

пор живёт его миниатюрная прародительница — маленькая Альтея внутри большой.

— А где я буду жить? — поинтересовалась со вздохом.

— Рядом с Первым Храмом есть коттедж зрителя, — сказал Алан. — Бывший настоятель умер от старости, а нового до сих пор не назначили. Так что дом пустует. Как мне говорили, там есть все удобства — и кухня, и туалет, и душ.

Какой же он у меня умница: всё знает, всё продумал, всё предусмотрел. И зря твердит, что корона ему не подходит — лучшего наследника ещё поискать. А доброта и мягкость качества очень хрупкие: достаточно двух-трёх потрясений, чтобы они либо исчезли, либо превратились в стальную броню.

По крайней мере, со мной так было.

Я ехала на мобиле домой, в особняк на Цветочной улице, и размышляла. Значит, Первый Храм. Гора Богов. Место, с которого начинается летопись Альтеи...

Эту историю я знала с детства. Сначала мама рассказывала её как сказку на ночь. Потом в академии на лекциях нам выдавали сухие факты, да и тех было немного, больше догадок, чем знаний. Позже я уже сама рылась в дворцовой библиотеке и в хранилищах, куда меня пустили по личному распоряжению Эдварда.

По официальной версии, примерно тысячу лет назад над небольшим поселением в центре нынешней провинции Альтея с жуткими гулом опустилась небесная колесница —

огромная, как гора, сияющая, как солнце.

Из её чрева вышли тридцать два существа — прекрасные и сильные, умеющие двигать горы, зажигать огонь в ладонях, замораживать траву до льдистых осколков, повелевать голосом, читать мысли, управлять животными и много всего другого.

Боги сказали просто: их колесница повреждена, потребуется время на починку. Много лет они жили рядом с людьми, помогали им, учили правильно возделывать землю, добывать и плавить металлы, передавали свой язык, счёт, ремёсла и прочие премудрости. Брали женщин в жёны и от этих союзов рождались дети, тоже наделённые божественной силой.

Арии — потомки тех самых детей богов.

Когда я была ребёнком, то часто подолгу вглядывалась в зеркало, высматривая в собственной внешности намёк на небесную породу: особый излом бровей, чудной свет в зрачках, другую форму ушей. Но, увы, отражение отвечало простотой: нос — самый обычный, рот — как у любой другой девчонки, глаза — знакомые до боли. Ни отблеска молний, ни тайного знака.

Впрочем, меня и без того восхваляли достаточно. Во-первых, я уродилась в отца, а его до сих пор считают первым красавцем в Альтее. Даже сейчас, в свои сорок восемь, на него оборачиваются все женщины — от юных фрейлин до почтенных дам, когда он просто идёт по коридору. Бедная мама, не знаю, как она это терпит.

Во-вторых, что куда важнее, во мне проявилась очень полезная магия, магия Хорнов.

Наша семья вообще выглядела довольно занятно, особенно для тех, кто не знает, как у нас устроены роды. Начнём с того, что нас зовут по-разному. Мама — ария Дениза Крей, папа — арий Торус Хорн, брат — арий Тимур Крей, а я — ария Марта Хорн. Всё потому, что в королевстве действует закон: чья магия проявляется в ребёнке, в тот род он и вступает. В моём брате проявилась способность взаимодействовать со всевозможными металлами, а у меня — отличать правду от лжи.

Повезло родиться с такой чудесной способностью.

Это в детстве я радовалась, что во мне есть магия, что я такая уникальная и замечательная. Спустя годы моё восхищение собой несколько поблекло. Особенно после того, как с четырнадцати лет меня начали брать на суды.

Мама, помню, возмущалась:

— Как можно! Она ещё маленькая! Зачем девочке слушать эти ужасы!

Папа её поддержал. Но король, разумеется, нашёл способ обойти обоих. Он никогда не давил в лоб, когда можно было зайти сбоку. Однажды будто бы случайно поймал меня в дворцовом коридоре и попросил помочь по пустяку — просто шепнуть, правду говорит один человек или врёт.

Я, конечно, согласилась.

Раз, другой, третий.

Сначала наблюдала с балкона, потом перебралась в зал суда. Мама кипела от злости, папа пытался спорить, но их аргументы разбивались о факты: благодаря мне приговоры выносились быстрее, ошибок становилось меньше, а невинные перестали отправляться на плаху.

Потребовалось немало лет, чтобы я увидела всю схему целиком. Эдвард не просто пользовался моим даром — он аккуратно приручал меня к мысли, что я незаменима, что обязана быть полезной стране. Манипулятор высочайшего класса, он играл на тщеславии подростка: восхищался, выделял, превозносил, заставлял поверить в собственную исключительность. А я, разумеется, тянулась за этим светом, как дура к огню. Мне льстило королевское внимание, пьянило ощущение собственной значимости.

Родители пытались вразумить, но я отмахивалась. Осознание пришло позже. Когда я уже слишком глубоко вошла в колею, из которой не выбраться без потерь.

Королевскую академию я так толком и не окончила: заседания, допросы, срочные вызовы, бесконечные просьбы «присутствовать хотя бы недолго» съедали всё время. Его величество при этом выглядел удивительно довольным и любил повторять — обычно для мамы, — что я, между прочим, экономлю бюджету огромные средства. Не нужно держать лишних сыщиков, месяцами тянуть расследования, оплачивать долгую слежку и собирать горы доказательств, если есть Марта Хорн, способная за минуту отделить ложь от правды,

виновного от невиновного.

Мама лишь качала головой. На самом деле они с Эдвардом были хорошими друзьями и понимали друг друга с полуслова. Но у Эдварда, в отличие от мамы, всегда на первом месте было благополучие королевства, а у мамы — её семья.

У Хорнов магия исчезла много поколений назад, и потому посоветоваться о том, как ею пользоваться, мне было попросту не с кем. Не осталось ни наставников, ни семейных преданий, ни хотя бы приличной книжки с заметками на полях.

Не сразу и не по чьей-то подсказке, а исключительно методом проб и ошибок, я поняла, на что способна. Я умела не только точно чувствовать, кто говорит правду, а кто лжёт. Я могла «разговорить» человека: вызвать на откровенность, подтолкнуть к признанию, заставить раскрыться так, будто ему самому не терпелось выложить всё до последней мелочи.

Эта способность оказалась неожиданно полезной в дипломатии. Послы, придворные гости, люди с улыбками, за которыми прятались вторые и третьи смыслы, — рядом с ними мой дар становился особенно ценным. Поэтому меня часто приглашали на встречи и официальные обеды, где важные решения принимались между тостами за здоровье.

Интересно получалось. В суде всё было просто — решали только факты. «Ты сделал то-то?» — и в ответ однозначное «да» или «нет», правда или ложь. А в дипломатии царилла неопределённость. Человек мог искренне верить в собственные слова — и тогда то, что для меня обычно звучало как

ложь, становилось правдой. В таких случаях оставалось одно: развязать ему язык и мягко вести разговор дальше, пока он сам не оговорится и не выдаст то, что прятал.

Моя внешность в этом тоже помогала. Титул самой красивой девушки Альтеи был и средством, и оружием, и ключом, которым я открывала нужные двери.

Мама до последнего кружила вокруг меня, как наседка: оберегала, присматривала, не позволяла Эдварду даже думать о том, чтобы втянуть меня в шпионаж или другие дела, от которых пачкаются руки и портится репутация. Она считала, что мне там не место — и точка.

Но она уехала. Вместе с папой. И защитить меня стало некому. Конечно, я заверяла родителей, что уже взрослая, что справлюсь сама, что не позволю ни королю, ни кому-либо ещё меня использовать. Но правда была куда менее лестной: во мне слишком глубоко сидела болезненная привычка быть безупречной, заслужить похвалу, соответствовать чужим ожиданиям, не разочаровывать, не подводить. А человеком, который всю жизнь старается всё сделать правильно, управлять легче всего — достаточно убедить его, что именно этого от него и ждут.

И король это делал виртуозно.

Последние полгода у меня не было ни единого выходного — ни дня, когда можно просто выдохнуть и принадлежать самой себе.

То я сижу среди важных господ с каменными лицами и

утверждаю приговоры преступникам. То уже вечером оказываюсь на балу — улыбаюсь, знакомлюсь с вероятными женихами. То меня зовут на дипломатические встречи, и я «разговариваю» послов, вытягивая из них тайны.

А в другие дни езжу по тюрьмам, спускаюсь в холодные коридоры и захожу в камеры предварительного заключения, чтобы отсеять невиновных — тех, кто по случайности, по ошибке или по чьей-то злой воле оказался в застенках. И каждый раз, выходя оттуда, я понимаю: у меня нет права устать. Потому что цена усталости — чужая сломанная судьба.

Но усталость не спрашивает разрешения. День за днём она копится и давит, пока однажды не обрушивается всей массой, ломая хребет. И тогда хочется лишь одного — упасть лицом в подушку и выть до хрипоты, до звона в ушах, до полной тишины в голове. И даже три бокала вина на крыше в приятной компании не спасают.

Верховный судья, узнав о моём незапланированном отпуске, запричитал:

— Вы надолго? Как же мы без вас? Что будем делать?

Привыкли за десять лет, расслабились, обленились. Прав был Эдвард. Легко выносить приговоры, точно зная виновен обвиняемый или нет. Пусть теперь попробуют сами, основываясь только на уголовном кодексе и доказательствах, собранных сыщиками.

— Все вопросы к королю, — отрезала я сухо.

Ария я в самом деле или нет?

Сборы заняли немного времени — по сути, мне требовалось лишь дать распоряжения слугам. В столичном особняке я появлялась раза два в неделю, и прислуга за это время заметно расслабилась: ну сколько пыли может набраться за один день, чтобы гоняться за ней с тряпкой по пять раз подряд? Казалось, они скорее протирали поверхности от скуки, чем по необходимости.

Так что выехала я буквально через пару дней. Перед поездкой заскочила к королю. То ли работа всё никак не отпускала, то ли совесть грызла.

— Давай я пройдусь напоследок по всем ведомствам дворца и проверю чиновников на гнильцу? — предложила добродушно.

Последние два громких процесса как раз касались воровства бюджетных денег в особо крупных размерах.

— Нет! — отказал Эдвард. — Нецелевое использование ресурса (если что, ресурс — это я). Каждую неделю кто-то да меняется, то секретарь новый, то помощник, то командировка у одних, а ротация кадров у других. Ты будешь ходить кругами из одного кабинета в другой целыми днями, а на другое времени не хватит. Так что езжай спокойно, без тебя министерства не развалятся.

Ну и ладно, моё дело предложить.

Последние долги: письмо родителям — ровное, без лишних подробностей. И визит к брату, короткий, суховатый, но

необходимый.

Тимур давно звал меня в гости, но я всё отказывалась. Рядом с ним и его женой мне было неудобно. Слишком разными мы были.

Мне нравился их дом на окраине Шалира, у самого леса. Нравилась тёплая атмосфера в нём, запах свежей выпечки, витавший по комнатам, кружевные салфетки ручной работы на спинках кресел, живые цветы в вазонах. Но эта идиллия иногда меня пугала: супруги могли не видеться целыми днями, и это их нисколько не беспокоило. Моя невестка, получившая лишь домашнее образование, не стремилась ни учиться, ни работать, ни узнавать новое. Я не могла понять, как ей хватает мира в четырёх стенах дома и почему её совсем не тянет за их пределы. В то время как я вечно куда-то бежала, она могла месяцами не выходить в город, даже балы посещая крайне редко.

Тимур женился три года назад на миленькой девушке, дочери зажиточного фермера. Они познакомились на «невестинном балу», который проходит каждый месяц во дворце и на котором знакомятся парочки. Девушка была тихой, скромной и неразговорчивой — точь-в-точь под стать моему молчаливому брату. Помню, как я пошутила тогда:

— Как же вы будете общаться? Ты выдаёшь двадцать слов за день, она — ещё меньше.

Но, как бы там ни было, из них получилась прекрасная пара, живут душа в душу, у меня есть уже один племянник и

ещё один на подходе. В маленьком Свене проявилась магия Креев, что, несомненно, радует.

Магов нужно больше, магия должна быть разнообразнее. Это кредо нашего короля.

Наша королева — ему под стать. Год назад она наконец завершила дело всей своей жизни (хотя я, признаться, всегда думала, что главным её призванием было родить мужу как можно больше наследников). Но как ни крути, Лия — молодец.

Она подняла на ноги полкоролевства: привлекла десятки людей и ещё больше — тех, кого не видно. На неё работали шпионы, лучшие следопыты, архивариусы и учёные, копавшиеся в родословных и в самой природе крови — в том, что нынче называют генетикой. В это вложили сотни тысяч золотых, и всё ради одной цели.

И она была достигнута: Лия собрала в Альтее все тридцать две семьи ариев — и нынешних, и тех, что давно считались «бывшими». Правда, треть из них, кажется, не знала, с какой стороны братья за столовый нож, но это, право, такие мелочи — золото, рано или поздно, сделает своё грязное дело. Через пару поколений их отпрыски и не вспомнят, что деды мели улицы или пасли скот.

Странно, что семейства были больше всего недовольны не тем, что их насильно переселили в Альтею, а тем, что из их фамилий убрали лишние буквы — Шанкарен стал Шанком, Умаран — Умаром, и так далее. Всё потому, что божествен-

ный алфавит, дающий имена ариям, состоял из четырёхбуквенных слов.

Эдвард, воспользовавшись суматохой, провёл перепись населения, заодно подправив имена нашим ариям — тем, чьи основные ветви пресеклись, не оставив наследников. Так род Китеп стал Ките, Ритеры — Рите, а Горники — Горнами.

Собрав в Альтее все тридцать две семьи, Лия на этом не остановилась. Ей, разумеется, захотелось большего — не просто держать ариев под рукой, а вернуть им утраченную магию. Но более мягким путём, без крови и спасений через смерть. Вот и взяла Лия ария Ките под своё покровительство, дала золото, оборудование, доступ к людям и архивам, словом, всё, что нужно учёному для работы.

Прощание с Аланом вышло странным. Принц явился в мой особняк на рассвете. За завтраком он был сам не свой: то шутил невпопад, то вдруг становился непривычно серьёзным, а затем снова улыбался через силу. Он отдал мне ключи от коттеджа смотрителя — где он их раздобыл, так и осталось загадкой. Главной же странностью стали его настойчивые попытки напроситься ко мне «в гости».

Я делала вид, что не понимаю намёков, и каждый раз вводила разговор в сторону, прячась за шутками.

— Две недели пролетят — даже не заметишь, друг мой любезный, — сказала я и чмокнула его в щёку, прежде чем сесть в мобиль.

— Будь осторожна, — выдавил Алан, удерживая дверь

мобилия, вцепившись в металл так, что побелели костяшки. — У меня плохое предчувствие.

Я лишь хмыкнула. У Ремов нет дара заглядывать в будущее — пусть не притворяется. Даром предвидения не владел никто из ариев. Самая сильная интуиция у Хорнов, а я, единственный носитель их магии, не чувствовала ничего особенного. Скорее наоборот: настроение приподнятое, оптимизма хоть отбавляй.

Наконец, Алан отпустил дверцу и отступил назад. Я встала запал, повернула ручку и мобил тронулся.

Можно было поехать поездом — так даже проще, без дороги и усталости. Но в Итарке, ближайшем к Первому Храму городке, всё равно пришлось бы искать транспорт. А в провинции выбор невелик: трястись в карете или тащиться пешком с чемоданами по пустынной дороге. Нет, увольте.

Впрочем, дело даже не в этом. К лошадям я отношусь спокойно и даже умею ездить верхом, но я слишком привыкла к независимости и свободе передвижения.

К тому же любила водить. В этом было что-то почти волшебное: ты одна, мир останавливается, дорога ровной лентой ложится под колёса, ветер бьёт в лицо, и можно делать что угодно — петь, декламировать стихи, ругаться, свистеть или кричать в пустоту. Никто не услышит, никто не посмотрит косо.

Топливный ящик был полон: слуги уложили аккуратные кубики в промасленной бумаге с запасом на всю поездку. О

дозаправке можно было не беспокоиться. Оставалось лишь найти, где по пути долить воду в бак, но Тимур уверял, что приличные станции попадаются часто.

Город остался позади, я выехала из Шалира. Железная дорога шла параллельно, то приближаясь, то исчезая за холмами. Иногда по ней проплывали чёрные коробки вагонов — уголь, руда, лес. На некоторых вагонах я видела белые мешки с маркировкой удобрений. И каждый раз в голове всплывал герр Садик с его *«никто же не пострадал»*.

Вот так и живём: что-то производим, что-то везём, что-то крадём. Вечный круговорот денег и вранья.

К полудню я остановилась долить воду у станции с гербом короны на вывеске. Там продавали всё, что нужно: топливо, воду, ремни, масло. Механиком был мужчина лет сорока, с грубым лицом и вымазанными в копоты руками. На меня даже не посмотрел, всё внимание уделил мобилу. Внимательно оглядел, как произведение искусства, прищёлкнул, уважительно покивал, лишь потом поднял глаза.

— Что желает уважаемая герра? Долить воду? Подсыпать кубов? Проверить смолу? Отполировать стёкла?

— Воду, — сказала я коротко, отходя в сторону, давая ему пространство для работы.

Меньше слов — меньше лжи, меньше песка на зубах.

Пока он возился у бака, я смотрела на щит. Там крупными буквами было выбито: *“Королевская дорожная служба. Построено при Реме XV.”* Ниже — мелко: *“покрытие обнов-*

лено по новой смеси. Поставщик: фабрика «Фултах и Ко».

Я иронично хмыкнула. Моя тётка по отцовской линии, Агата Хорн, выйдя замуж за наследника Фултахов, не упустила возможности в полной мере воспользоваться расположением его величества. Она добилась от короля монополии на дорожное строительство и производство запчастей для мобилей под знаком королевского рода. И раньше семья Фултахов была богатой, а сейчас стала одной из богатейших в Альтее.

Через полчаса я, не торгуясь, расплатилась и уехала.

Перекусила прямо в дороге, остановившись у рощицы, тем, что заботливо собрала Анна, моя кухарка. А вот к закату устала по-настоящему. Заныла спина, глаза начали слезиться от ветра, а пальцы на руле одеревенели так, что я перестала их чувствовать. Я сбавила ход и стала высматривать, где можно переночевать. Мысль о постоялом дворе не радовала: любая остановка означала людей. А люди почти всегда приносили с собой мелкую, липкую ложь — даже если улыбаются и кланяются в пояс.

Ещё немного — и начну шарахаться от каждого встречного, — подумала я мрачно. — *А там и до безумия недалеко.*

Первый попавшийся трактир оказался на удивление приличным: отдельный двор, конюшня, сторож у ворот, старая кованая вывеска на цепях. Внутри — стойка с газетами, телеграфный аппарат в углу и мальчишка-оператор с таким скучающим лицом, будто его сослали сюда в наказание.

Хозяйка, плотная женщина с белым передником, низко поклонилась, услышав моё имя. Я не стала его скрывать, назвавшись арией Хорн — привыкла к привилегиям и обхождению, которые за ним стоят. Удобно — люди сразу чувствуют дистанцию и не лезут с расспросами, советами и сплетнями.

— У нас тихо, ария, — сказала она. — Комната наверху, отдельная, с ванной. Ужин принести?

— Принесите. И газету, — ответила я.

— Конечно, конечно.

Здание было старым, с толстыми стенами и маленькими окнами. В комнате — прибрано, но тянуло сыростью и ламповым маслом. Электричество здесь имелось только на первом этаже — наверху обходились без него. Мыло — самое дешёвое, постельное бельё — истончённое от частых стирок. Гостиный двор явно переживал не лучшие времена: после того как проложили железную дорогу, светская жизнь перебралась ближе к станциям, где останавливались поезда.

Поужинав, я села у окна. Дорога снаружи была пустая, чёрная, как ровный разрез. Где-то далеко прогрехотала телега, и снова стало тихо.

Газета была позавчерашней, но я не расстроилась. Вчера, собираясь в дорогу, я не просматривала новости, что делала каждое утро, живя во дворце.

На первой полосе — суд над замминистра сельского хозяйства. Эдвард не любил, когда журналисты выставляли на-

показ несостоятельность правительства и частенько давал приказ или подкорректировать статью, или вовсе отозвать тираж. Считал, что ошибка служащих — ошибка короля. Но скандал с удобрениями получил слишком большой резонанс. Тут уж не спрячешь правду под ковёр — слишком много людей осталось без урожая и средств к жизни.

Читать не стала, всё и так знала из первых рук. Лишь улыбнулась, увидев приписку под статьёй жирным шрифтом: *«Его величество Рем Шестнадцатый распорядился компенсировать убытки всем пострадавшим хозяйствам из королевской казны».*

На второй странице: *«Учебный дом набирает студентов», «Арий Ките совершил прорыв в науке...».* Слишком большая статья, не такая сложная как в «Познании», но всё равно тяжёлая для развлекательного чтения. Оставлю на потом. Прочитаю, если не смогу заснуть.

Ките на божественном языке означает «знание». Да, наши Ките всегда держались рядом со школами, академиями, чаще всего именно они возглавляли учебные дома и научные советы. Нынешний глава рода, арий Рогер Ките, занимается изучением свойств крови. За последние годы он сделал несколько заметных открытий о наследуемых характеристиках, которые переходят к потомкам.

Короля особенно заинтересовал один его вывод: даже в ветвях, где магия официально считается угасшей, могут сохраняться скрытые компоненты дара — «спящие» призна-

ки. У большинства носителей они никак не проявляются, но способны всплыть в следующих поколениях, если совпадут нужные наследственные факторы. На исследования выделили деньги — не без нажима королевы. Любила наша Лия сложные задачи.

В Альтее давно существовал негласный закон против смешения магий: считалось, что роды нельзя перемешивать, особенно устраивать браки между наследниками, тем более, если в одной ветви дар ещё жив, а в другой уже угас. Правда, прежде за этим следили спустя рукава, и потому многие семьи успели основательно перепутаться. Наша — из таких. Хорн женился на Крее, и никого это особенно не тревожило.

Теперь Эдвард относится к подобным вещам куда серьёзнее и, кажется, сам раскладывает всех ариев по будущим брачным партиям, как фигуры на игровой доске. Особенно после того, как выяснилось, что у Тимура есть слабая интуиция, доставшаяся от отца, а я слегка чувствую металл — рядом с крупными скоплениями кожу будто холодит изнутри. И мы оба прекрасно ладим с животными. Ведь наша бабушка из Фархов.

Пора укладываться, я попросила хозяйку принести завтрак на рассвете, чтобы успеть доехать до Первого Храма хотя бы к вечеру следующего дня.

В последние месяцы заснуть стало огромной проблемой. Сон ускользал, как только я закрывала глаза, и приходилось либо читать до одури, пока буквы не начинали плыть, либо

ходить кругами — по коридорам, по саду, где угодно — лишь бы достаточно устать и провалиться в забытьё хоть на пару часов.

Зато в бессоннице был свой плюс — научную статью я всё-таки прочитала, ну и задремать тоже смогла, под утро. Проснулась от стука в дверь.

— Ария, вам завтрак, — позвала хозяйка.

Я открыла. Женщина поставила поднос так осторожно, словно боялась, что я умею не только распознавать ложь, но и карать за неё на месте. Возможно, в глухих провинциях обо мне ходили именно такие сказки. Что ж, хоть какая-то польза от репутации.

Выехала сразу после завтрака. Второй день дороги оказался менее приятным. Чем дальше от столицы, тем беднее становился мир. Исчезли аккуратные усадьбы, ухоженные обочины, добротные станции. Посёлки попадались всё более унылые — серые дома, низкие крыши, заборы на честном слове, телеги, запряжённые такими же усталыми лошадьми, какими выглядели их хозяева.

На мой мобиль смотрели как на чудо.

Я старалась не останавливаться без нужды. Но однажды всё-таки пришлось — долить воды и ненадолго передохнуть у маленького частного пункта с облезлой вывеской. Всё там выглядело так, будто корона давно забыла о существовании этого места, а оно, в свою очередь, почти перестало ждать, что о нём вспомнят.

Надо бы сказать Эдварду, что королевство заканчивается не там, где на карте проведена граница, а там, где исчезают хорошие дороги и перестают работать станции.

Хотя, если подумать, он и сам это знает. Просто, как и всегда, есть дела поважнее.

Глава 3

Коттедж оказался совсем крошечным. Я даже успела подзабыть, что на свете бывают такие жилища: не комнаты — три тесные клетушки, каждая размером с кладовку в моём особняке.

Первая была кухней и столовой одновременно. Одно название — двум людям не разминуться даже при большом желании. Во второй стояла узкая кровать, похожая на лавку: жёсткая, простая, застеленная тонким пледом. Он, кажется, и грел-то больше из вежливости — чисто символически. Третью отвели под святилище.

Миниатюрный, карманный храм — стены расписаны сценами из легенд: боги в сияющих одеждах, их колесница, запряжённая огненными лошадьми, люди на коленях встречают небесных существ, спускающихся с горы. Статуй, хвала богам, не было — они бы сюда просто не поместились, да и смотрелись бы нелепо в такой тесноте.

Дальше, по стене тянулись сцены о первых ариях, детях богов. Я легонько касалась завитков имён на божественном языке... Умары зажигают свет в пещере, Фархи подзывают из леса животных, огромный очаг, полыхающий от силы Вертов, продукты, хранящиеся во льду, созданном Шанком.

Да, когда-то арии были многочисленны и сильны. А сейчас от той силы осталась тень от тени — одни воспоминания

о могуществе.

Хотя, даже у тех ариев, чья магия давно угасла, всё равно оставалось нечто вроде эха — слабые, но узнаваемые остаточные способности. Они уже не творили чудес и не размахивали заклинаниями, однако родовая природа всё равно проступала в мелочах: в привычках, в талантах, в том, как человек держится и что выбирает делом жизни.

Так, Берги из поколения в поколение шли в лекари и держали лучшую в королевстве лечебницу. Верты удивляют выносливостью к холоду: зимой они могли ходить в одной рубашке, словно внутри у них тлел невидимый жар. А Нурвы, веками исполнявшие обязанности королевских шутов, и во все оставались верны своему предназначению до смешного неизменно: вели себя вызывающе, шутками сыпали без остановки, обожали пышные наряды и с наслаждением увешивались драгоценностями.

Скорее всего, эти росписи сделали сами смотрители, служившие здесь: то ли от усердия, то ли от религиозного жара. А что ещё остаётся делать долгими зимними вечерами, когда вокруг только снег, тишина и пустота?

Я, впрочем, никогда не была религиозной. Да, допускала, что боги *в теории* могут существовать — бессмертные, непостижимые, милосердные, как их принято описывать. В конце концов, кто-то ведь должен был однажды вдохнуть жизнь в нашу планету. Но те, кто прилетал к нам тысячу лет назад, богами не были.

Иначе как объяснить, что в союзе с людьми у них появлялись дети? И откуда тогда все эти машины — та огромная, скрытая в Первом Храме, и те, поменьше, что лежат в сокровищнице дворца? Устройства, способные прожигать тончайшие отверстия в металле и камне, зажигать огонь на расстоянии или замораживать воду... Зачем всемогущим богам нужны приспособления, если они реально всемогущи?

Но Эдвард говорил, что религия полезна. Людям необходимо во что-то верить, кому-то молиться, на кого-то опираться, когда одиноко и страшно. Пусть лучше молятся нашим многочисленным богам — так безопаснее и привычнее. Да и доверия к ариям, стоящим во главе королевства, больше, если считать, что они — потомки богов.

Вышла из мини-святилища и повторно зашла в спальню. Болезненно скривилась. И во дворце, и в столичном особняке у меня шикарные спальни: окна выходят в парк, свежий воздух, тишина, простор, огромная по размерам кровать, простыни — шёлк и тончайший лён. И то, не всегда получалось уснуть. А стоя перед этой узкой жёсткой кушеткой, я заранее боялась, что всю ночь буду крутиться до ломоты в боках, а утро встречу с открытыми глазами и тяжёлой головой.

Слуги, конечно, позаботились обо всём: предусмотрительно упаковали постельное бельё, мою любимую подушку, пушистые полотенца — все те мелочи, без которых я не могла представить себе и дня. Но сейчас, в этом маленьком кот-

тедже, я с тоской понимала: одних привычных удобств будет недостаточно.

Сюда бы повариху Анну или Полин, мою любимую горничную: они бы за полчаса превратили коттедж в уютное местечко. Но я ведь дала себе слово — никаких людей. Так что придётся справляться в одиночку.

Заранее предусмотрела важную вещь: по дороге заехала в Итарку. Проехалась по центральной улице, выбрала самый вычурный и дорогой ресторан — тот самый, где в витринах больше позолоты, чем здравого смысла, — и потребовала встречи с управляющим.

Даже до озвучивания имени он оценил и мой наряд, и «скромные» серьги в ушах, и часики на руке, и дорогуший мобиль, припаркованный у входа. Так что разговор вышел скорым и безболезненным. Я чётко объяснила условия: каждое утро, без опозданий, ко мне должны привозить готовую еду на день — аккуратно упакованную в одноразовую посуду, чтобы мне не пришлось ни готовить, ни мыть, ни вообще думать о быте.

А когда я выложила перед ним горку золотых монет, стало окончательно ясно: ради таких денег ресторатор мог бы объявить одноразовым даже парьенский фарфор — просто чтобы мне было удобно.

Деньгами я была обеспечена в избытке. Могла хоть каждый день покупать по мобилю последней модели, не обеднела бы. И отец, и мама были неприлично богатыми и в сред-

ства любимую дочь никогда не ограничивали. Плюс у меня было личное состояние. Его завещал мне дедушка по отцовской линии, бывший Верховный судья, арий Велир Хорн. Он был так рад и горд, что в его внучке проснулась магия Хорнов, что объявил меня единственной наследницей.

Первая ночь и правда прошла в тревожном полусне. Я почти не сомкнула глаз: мне мерещились шорохи за стенами, скрипы старого дерева, невесомые шаги на чердаке. Следующая была лучше, а третья так и вовсе стала прекрасной — я проспала даже приезд курьера из ресторана.

Неужели одиночество повлияло? Так может мне каждый месяц устраивать подобную реабилитацию — выгонять всех слуг из особняка и жить там пару дней в полной изоляции?

Настоящим шоком оказались местные удобства — если их вообще можно было назвать удобствами: всё находилось снаружи, отдельно от дома. Туалет представлял собой дыру в деревянном настиле над неглубокой ямой, а вместо душа — обычная бочка с водой, которую пока ещё щедро прогрело летнее солнце. Что делает зритель зимой и как вообще умудряется мыться в холод — мне даже представлять не хотелось.

Днями напролёт я гуляла: шла куда глаза глядят, собирала букеты из луговых трав, бродила по лесу, наблюдала за птицами, небом, облаками.

Свобода пьянила — никто не звал меня в суд, на бал, на допрос, на свидание. Но очень скоро вместе с тишиной при-

шло другое чувство — тревога. Страх, что внезапно все перестали во мне нуждаться. А без этой нужды я и сама не вполне понимала, кто я такая.

Поразительно жалкое открытие для взрослой женщины.

Я поймала себя на том, что мысленно перебираю дела, к которым уже не имела никакого отношения: прошлый суд, оставленные документы на столе, серые коридоры тюрьмы, даже недочитанную статью Ките в «Познании». Будто внутри меня продолжал крутиться механизм, который забыли выключить.

С трудом, но подавила в себе желание сесть в мобиль и отправиться обратно в столицу. Решила хоть выспаться нормально за две недели.

В один из дней добралась до Первого Храма. Он почти утонул в земле: вход находился ниже уровня почвы. Внутри, как я помнила, стояли тридцать две статуи со стёртыми от времени лицами — грубо обработанный камень тысячелетней давности.

Наши боги: Анкр, Берг, Верт, Горн, Зорг и так далее.

Полюбовавшись на едва уловимые черты, я двинулась дальше по длинному тёмному коридору, уходящему вглубь горы. Вскоре я увидела её — ту самую странную чужеродную машину, оставленную богами. Сейчас она тихо гудела. Луча видно не было, но я точно знала, что он есть.

Именно тут, в пещере, в самом сердце святилища, чуть больше года назад король с королевой собрали вокруг неё

представителей всех тридцати двух семейств ариев. Машина походила на огромный плоский гриб на ножке — гладкий, холодный и неподвижный — с тридцатью двумя пятипальными углублениями по краю.

Когда-то с её помощью скрепляли браки ариев. Позже машину стали использовать для проверки: стоило вложить ладонь отпрыска ария в углубление, как оно начинало светиться, а механизм издавал едва слышное гудение, будто узнавая своего.

Нас всех буквально распирало от любопытства: что за чудо оставили нам боги и на что оно способно? По приказу Его величества мы выстроились вдоль гладких плит. Каждый положил ладонь напротив своего имени, выведенного на священной вязи богов, и одновременно произнесли на божественном «скуз» — пуск.

Это было феерическое зрелище. Конечно, у пяти действующих магов сияние было ярче и насыщенней, но и у обычных ариев ладони засветились. Огромный механизм задрожал на низких нотах. По его поверхности побежали искры, россыпью посыпались короткие всполохи, а из центра вышла вверх тончайшая нить света — узкая, как лезвие. Через пару секунд она стала невидимой.

Храм содрогнулся от густого тяжёлого гула, от которого заныли зубы. Звук не унимался, даже когда мы отняли руки от углублений.

— Включилась, — выдохнул Эдвард, он был ответствен-

ный за имя Рем.

Только вот «разум» на божественном было не «рем», а «рёмо». Мама и прежде говорила: первые Ремы ради солидности просто убрали одну букву, укоротили имя — чтобы выделиться перед остальными ариями. Магию они потеряли давным-давно, ещё на заре королевства. Видимо, к трону шли по головам. А то, что их до сих пор не сместили... возможно, кое-какие способности влиять на людей у них всё же остались — пусть и не такие, как раньше.

— И что теперь?.. — тоненько пискнула Лия, стоявшая за спиной мужа. Её дело было сделано. Оставалось лишь собирать плоды. Вот только никто не знал, какими они окажутся.

— Ждём, — коротко ответил король.

И мы ждём уже год. Но пока — ничего, машина никак себя не проявила.

Если честно, я даже рада. Королевству не нужны лишние потрясения. Как говорится, не буди зло, пока оно спит. Потому что, если проснётся — неизвестно, кто и как сумеет уложить его обратно.

Я ещё немного побродила вокруг входа, рассматривая древние фрески на стенах, углубления в камне степеней крыльца, стёртые бесчисленными шагами паломников прошлого. Тяжело вздохнув, затворила тяжёлую дверь Храма и повернула назад, к коттеджу.

Нужно было съездить в городок и пройтись по магазинам. Купить ещё несколько комплектов постельного белья, поло-

тенец, да и новую одежду не мешало бы. Как стирать всё привезённое сюда добро, я не представляла — проще было выкинуть.

В городе меня уже знали — и, похоже, ждали. На улице кланялись мобилю, провожали взглядами, пока я медленно катила вдоль витрин. Я совсем не успела соскучиться по людям и предпочла бы не сталкиваться с ними вовсе, но пока не понимала, как покупать, не заходя внутрь. Раньше всем этим занималась Полин — верная, незаменимая, безупречно понимающая, что и в каком количестве мне нужно.

Остановилась возле самого помпезного ателье, со швейцаром на входе. Странно, для кого его вообще строили? Для ариев-туристов, приезжающих в эти края ради Первого Храма раз в год? Впрочем, мне же лучше. Внутри было пусто: ни покупателей, ни праздных зевак — ни одной живой души. Видимо, цены здесь были такими, что даже любопытство не задерживалось.

Я не стала бродить вдоль манекенов и придирчиво щупать ткань. Просто попросила девушку собрать мне полный гардероб — от белья и ночных рубашек до верхней одежды. Примерки, подгонка по размеру — всё это показалось лишним. Даже если ошибусь, ничего страшного: через неделю всё равно выброшу. Неосознанно проверила девушку (это давно вошло в привычку) — она была искренна в своём желании услужить.

Забрав пакеты, я закинула их в багажник и сразу же по-

мчалась обратно.

А ночью произошло нечто странное.

Я проснулась от короткого резкого звука — то ли свиста, то ли воя. Или это была гроза? На мгновение комнату залило светом, будто кто-то включил солнце прямо над крышей. Я замерла, прислушиваясь, прижимая ладонь к колотящемуся сердцу. Но больше ничего не услышала — вокруг коттеджа стояла привычная темнота и тишина. Лишь птицы возбуждённо кричали, словно тоже чего-то испугались. Но потом затихли и они.

Приснилось? Показалось? Нервы?

Выйдя утром на крыльцо за контейнером с едой, я внимательно осмотрелась. Мир вокруг не изменился: всё то же безлюдье, далёкая птичья трель, терпкий запах трав и прелой листвы.

Я уже собиралась вернуться в дом, но что-то заставило меня замереть и прищуриться. На Горе Богов появилась нечто чужеродное — яркое, блестящее пятно со странными угловатыми очертаниями. Присмотревшись, я поняла, что оно напоминает закрытый мобиль.

Как он вообще туда попал?

Гора Богов и без того была странной — настоящая аномалия. Огромная у основания и с идеально ровным срезом где-то на высоте пары сотен ярдов от земли, будто её не раскололи, а аккуратно отсекли. Раньше, до того, как территорию закрыли, туда каждый год водили экскурсии для студен-

тов академии. Наверх вела узкая крутая лестница, вырубленная в камне. Желавших подняться было немного. Я, помню, отказалась — лезть почти по отвесной скале под палящим солнцем несколько сотен ярдов было слишком героическим поступком для изнеженной аристократки, привыкшей к комфорту. И с чистой совестью осталась ждать остальных в тени Храма у подножия.

Удивительно — как по ней могли затащить на вершину тяжёлый мобиль — и, главное, зачем?

Легенды утверждали, что когда-то колесница богов опустилась на гору и разрушила её. Раньше под ней тянулась сеть пещер, но после строительства Первого Храма в более-менее сносном состоянии поддерживали лишь одну — ту самую, где находилась оставленная богами машина.

После завтрака я решила всё-таки дойти до Храма и проверить, что за «мобиль» появился наверху. Может быть, вблизи всё станет понятнее.

Чем ближе я подходила к горе, тем сильнее мне становилось не по себе. Пятно на вершине не было мобилем. Устройство оказалось странной формы и намного больше — раз этак в пять. Некоторые его детали ослепительно блестели на солнце, так, что на них было больно смотреть, края смазывались, словно текли по контуру. Агрегат стоял на нескольких опорах — коротких, толстых; сзади и снизу темнели круглые отверстия, закопчённые, будто их сильно обжёг огонь.

Дверь Храма была приоткрыта. Я не помнила — закрыла я её на замок или нет в своё прошлое посещение, но инстинктивно напряглась. Толкнула и, пригнувшись, шагнула внутрь

В полумраке, напротив статуй богов, стоял... наверное, человек. Но выглядел он настолько чуждо и неправильно для этого места, что в первый миг я решила, будто передо мной нечто потустороннее.

— Ты бог? — вырвалось само собой на божественном языке, прежде чем я успела подумать.

Человек обернулся. Растянул губы — не сказала бы, что это было похоже на улыбку, — слегка поднял подбородок и негромко рассмеялся.

— Нет. Но, если хочешь, можешь называть меня богом, — произнёс он, глядя свысока и немного насмешливо.

Я поняла его не сразу: речь была чуть искажённой, непривычной на слух. Впрочем, неудивительно — тысяча лет всё-таки прошла. Наши историки могли многое перевернуть, а язык — измениться. Все арии учили божественный алфавит в академии, но действующим магам он был нужен *назубок*: заклинания произносились только на нём.

Когда глаза немного привыкли к полумраку, я уже отчётливо видела: это всё-таки человек. Голова, две руки, две ноги. Обычный — если не считать одежды. На нём был цельный серебристый комбинезон, весь утыканный карманами, крючками и липучками, на поясе и запястье висели стран-

ные приспособления — похожие на те, что я видела в сокровищнице; на ногах — цельные полусапоги стального цвета, без шнурков и застёжек, будто их отлили по форме.

Лицо оказалось не слишком красивым и при этом странно знакомым. Длинный крючковатый нос, узкие скулы, тонкие жёсткие губы, искривлённые насмешливым, почти высокомерным выражением. Он стоял прямо напротив статуи Рема — и меня словно ударило внезапным узнаванием.

— Рем!

— Ремо, — спокойно поправил он.

Мужчина, а на вид ему было где-то около тридцати, медленно подошёл ближе, остановился на небольшом расстоянии и приподнял угольно-чёрную бровь.

— Пока меня не было, первобытные люди заметно продвинулись в развитии, — сказал он и демонстративно, пристально оглядел меня с макушки до пяток.

В голове шумело. Я была настолько ошеломлена появлением пришельца — настоящего, живого, стоящего напротив, — что не могла ухватиться ни за одну здравую мысль. Да их и не было.

Наверное, я должна была что-то сказать. Поздороваться. Спросить, как он здесь оказался. Но слова не находились — язык словно одеревенел.

— Значит, вы нам до сих пор поклоняетесь? — он медленно двинулся вокруг меня, рассматривая как музейный экспонат. Оценивающе прошёлся по одежде — шёлковой блуз-

ке, распахнутой на две верхние пуговицы, узким брюкам, изящным кожаным ботиночкам. Задержался взглядом на золотых часах и браслете из переплетённых виноградных листьев, подаренном мамой на восемнадцатилетие. — А ведь совсем недавно вы ходили в шкурах на голое тело и босиком.

Наконец мои мысли начали выстраиваться хоть в какую-то линию.

— Когда... «совсем недавно»? — спросила я сипло.

Мужчина усмехнулся.

— Ну, для меня прошло всего несколько месяцев. А вот для вас... — он чуть замолчал, будто прикидывал в уме, — около семисот оборотов вокруг солнца? — и вопросительно уставился мне в глаза, словно проверяя мою реакцию.

У меня резко закружилась голова.

— Наши легенды говорят тысячу, — выдавила из себя хрипло.

«Бог» прищурился, провёл пальцем по левой руке. Над запястьем вспыхнуло объёмное переплетение — то ли нитей, то ли букв, то ли крошечных символов; я так и не разобрала. Он щёлкнул по полупрозрачному экрану — будто сам воздух перед ним вдруг превратился в прибор. И, усмехнувшись, бросил:

— Если точно — семьсот сорок три ваших года с момента, когда мы покинули Ка-пять-один-семь.

По спине пробежал холодок, и я невольно поёжилась. Цифры не укладывались в голове. Для него прошло всего

несколько месяцев, а для нас — целая вечность, сотни лет. Как такое вообще возможно? Он бессмертный? Он видел, как зарождалась древняя Альтея? Как родились арии? Он сам — отец первого Рема?

Впрочем, сейчас это было не главным.

Бог вернулся.

В груди тугим узлом скрутилось дурное предчувствие. Машина в Храме... Она его позвала. Я обречённо прикрыла глаза. Так и знала, что включать её было нельзя.

— А где остальные... — я судорожно подбирала слова, — «боги»? Почему ты один?

Рема резко перестал улыбаться. Лицо стало жёстким, пустым. Он нахмурился и сухо произнёс:

— Проводи меня к вашим правителям. Или кто у вас за них. Мне нужно с ними поговорить... Для начала.

Я заставила себя вдохнуть. Кивнула и направилась к двери, молча приглашая его за собой.

Похоже, мой отпуск закончился раньше, чем я рассчитывала. Прилёт одного из «богов» — событие не просто великое, а оглушительное, выбивающее из привычной реальности. Это шок. Начало новой эпохи. Взрыв, который разнесёт наш прежний мир в щепки.

Если бы я только знала, насколько близка была к истине...

Переодеваться было некогда. Я лишь заскочила в коттедж, накинула поверх рубашки лёгкий пиджак, схватила запал

для мобиля и вышла наружу. Ремо стоял ровно там, где я его оставила, и с интересом рассматривал окрестности — будто сверял воспоминания с тем, что видел сейчас. Да, для него прошли месяцы. А здесь успели смениться сотни поколений.

Вид моего мобиля заставил его скептически хмыкнуть. Он послушно сел на переднее сиденье рядом со мной и сразу же окинул взглядомлицевую панель.

— Механическое управление? — спросил он вскользь, так, словно уточнял мелочь.

— Да, — кивнула я и завела мотор.

А какое ещё бывает? Если честно, в устройстве машин я разбиралась не слишком. Вот мой брат Тимур — тот мог бы говорить о мобилях, яхтах, паровозах и прочих агрегатах часами. Я же была просто пользователем. Впрочем, пользователем умелым — и, если нужно, очень ловким.

Я вела мобиль, крепко сжимая руль и не отрывая взгляда от дороги. Руки сами машинально переключали рычаги, а в голове всё ещё звенело — тревожно, жутко, будто эхо взрыва, прогремевшего совсем рядом, под самыми ногами.

Кто он такой, этот пришелец? Бог? Обычный человек? Враг? Друг? Нужно ли его бояться? И что мне с ним делать?

Оставить в Итарке, поселить в одной из гостиниц, телеграфировать в столицу и ждать ответа Эдварда? Или не тянуть и самой везти его в Шалир? Не опасен ли он? Есть ли у этого «бога» при себе оружие, способное причинить нам вред? И что он вообще может?

На первый взгляд Ремо казался безоружным. Пустым. Но я слишком хорошо помнила крошечные устройства из дворцовой сокровищницы: не длиннее мизинца, они резали камень, как масло. А значит, оружие вполне спокойно могло находиться у него в кармане.

Наконец, после лихорадочного потока мыслей, у меня всё же начал складываться хоть какой-то план. Как раз в этот момент мы подъехали к окраинам городка.

— В столицу поедем на поезде, так будет удобнее и быстрее, — решила я. Всё-таки, бросать пришельца в Итарке — плохая идея. Если он опасен, оставлять его одного никак нельзя. — Есть хочешь? Или... переодеться во что-то другое?

— Есть не хочу, а вот переодеться не мешало бы. Чтобы не выглядеть пришельцем из другого мира, — ответил он с насмешкой.

«А кто же ты тогда?» — подумала я, но вслух, разумеется, не сказала.

Мы ехали быстро, Ремо с любопытством крутил головой. Его брови взлетали вверх, а и без того некрасивое лицо то и дело перекашивалось — стоило на дороге появиться хоть какому-нибудь зданию или, не дай боги, телеге с лошадьми. Было немного стыдно, словно это я была виновата в то, что крестьяне одеты в грязную потрёпанную одежду, а у телеги разваливаются борта.

Мне всё время казалось, что Ремо внутри потешается.

— Глубокое неравенство — это результат бездарного управления страной... — произнёс он снисходительным тоном.

Я молча проглотила возмущение. Сама вижу, как отличается одежда фермера от моей. Да что говорить, мои часы на руке стоят дороже, чем всё хозяйство этого земледельца.

Это ты ещё не видел того, что было в Альтее всего тридцать лет назад до того, как Эдвард взойшёл на престол, — мысленно парировала я.

— Потрясающе: вы изобрели машины, но так и не изобрели нормальные туалеты...

Мы проехали мимо покосившегося уличного нужника, из которого выходил мужик, на ходу застёгивая штаны. У меня порозовели щёки.

Голос Ремо сочился ядом. Его взгляд — холодный, беспристрастный — скользил по мне и этому миру с неприятным чувством превосходства, словно он уже вынес нам обоим приговор.

Порой его глаза застывали на моём лице, буквально впиваясь в кожу. Я делала вид, что ничего не замечаю: смотрела на дорогу, ровно держала руки, следила за дыханием, старалась не дёрнуться и не выдать себя ни жестом, ни лишним движением. Но тело предавало: между лопаток катился ледяной пот, а в горле вибрировала тонкая, готовая вот-вот лопнуть струна.

— Хорн? — поинтересовался он вдруг.

— Откуда ты...? — Я как начала с перепугу называть его на ты, так и продолжила. А он то ли делает вид, что не заметил, то ли ему было всё равно, что вернее.

— Похожа, — ответил коротко.

Значит, я была права, рассматривая в детстве себя в зеркале и выискивая тайные отличия. По наследству не только передаётся магия, но и внешность. И если Ремо, сидящий рядом, так поразительно похож на нашего короля, то и я — Марта Хорн — наверняка похожа на тех Хорнов, что прилетали сюда... как он сказал?... семьсот сорок три года назад.

Ремо...

Проклятье! Он ведь умеет воздействовать на разум! Как я вообще могла об этом забыть?

Я вздрогнула всем телом и прислушалась к себе — к мыслям, к желаниям, к внутреннему голосу. Ничего чужого. Всё на месте. Либо его вмешательство было таким тонким, что не оставляло следов, либо он пока ещё не пользовался своими способностями.

По тому, что я об этом подумала, стало ясно: голова понемногу проясняется. Паника ушла, остался лишь простой животный страх и детское желание спрятаться.

Существо рядом было настолько чужим и непостижимым, что все мои привычные ориентиры разлетелись в пыль. Моя спесь, безоговорочная вера в собственное превосходство над простыми людьми и даже ариями испарились без следа — я вдруг ощутила себя крошечной и беспомощной. Потерянной

до смешного. Ещё секунда — и я бы начала звать маму или бросилась искать убежище под креслом или за ближайшим кустом, лишь бы скрыться от этого ледяного, оценивающего взгляда.

Мы въехали в Итарку. Я, не раздумывая, подрулила к тому самому пафосному ателье с готовой одеждой, где закупалась вчера, завела пришельца внутрь и подозвала девушку-консультанта.

— Оденьте герра по современной моде, — холодно распорядилась я. — И побыстрее. Мы спешим.

Оставила золото на стойке, а сама сразу же развернулась к железнодорожному вокзалу: времени на вежливости не оставалось — только на дело. Начальника я поймала на месте и надавила с порога, блеснув гонором, фамилией и авторитетом.

— Мне нужен ближайший скорый до Шалира. Отдельный вагон со всеми удобствами, — нагло присела за стол начальника, взяла бумагу, ручку и принялась писать сообщение королю, — послание отправить сейчас же телеграфом во дворец в секретариат его величества с пометкой «срочно». Не вздумайте болтать о том, что здесь написано и связного предупредите. Дело королевской важности. Если узнаю, что кому-то рассказали — будете доживать с семьёй в ссылке на севере, до конца жизни убирая снег.

Начальник вокзала кланялся без перерыва, обещая сделать всё, как я сказала, заверяя в своём абсолютном молча-

нии.

Телеграмма была короткой: «Через сутки буду во дворце. Со мной едет настоящий Ремо. Машина сработала. Марта».

Надеюсь, Эдвард поймёт сразу. Непосвящённый либо вообще не разберётся, либо до него дойдёт слишком поздно. А королю нужно хотя бы мгновение форы — чтобы встретить пришельца не с открытым ртом, а с готовым планом...

Родителям не писала. Незачем их беспокоить.

Пришелец уже поджидал меня у входа — одетый с иголкой: тонкошёрстные брюки, кожаные туфли, рубашка стального цвета и что-то вроде мягкого трикотажного пиджака. Всё сидело на его худощавой фигуре так идеально, будто эту одежду шили именно под него. Со стороны — обычный человек. Не скажешь, что пришелец. Выдавало лишь выражение лица и блестящая штукавина на левом запястье: одежда ей не мешала, экран всё так же плавал над рукавом, и Ремо невозмутимо нажимал на «воздушные» кнопки.

Увидев меня, он одним движением свернул экран, подхватил небольшую сумку, лежавшую рядом (наверное, там был его старый комбинезон), и недовольно бросил:

— Я жду уже три с половиной минуты.

И только сейчас до меня дошло, что он разговаривал на нашем, земном языке, а не на божественном. Когда только выучить успел? Я не стала спрашивать, всех его способностей я не знаю, и, если честно, не стремлюсь узнавать. Потому что... страшно.

До отправления поезда в Шалир оставалось около получаса — вполне достаточно времени, чтобы устроиться без лишней суеты. Наш вагон, который позже должны были подцепить к основному составу, уже ждал на запасном пути. Начальник станции проявил неожиданную щедрость, выделив нам нескольких охранников и горничную для обслуживания в дороге.

Очень полезный жест: в пути же надо было что-то есть и пить.

— У вас даже паровозы есть! — присвистнул пришелец, заметив стальные рельсы и вагон, замерший на путях. — Неплохо... цивилизация продвинулась.

Я не поняла, что это было — похвала или очередная насмешка, — поэтому промолчала.

Мы разошлись по купе и решили отдохнуть. Я мысленно уговаривала себя успокоиться и не трястись. Кое-как, через время у меня получилось. Ведь ничего же страшного не произошло? Я и раньше знала: тысячу лет назад к нам кто-то прилетал — не боги, а высокоразвитые чужие, — и именно они подтолкнули нашу цивилизацию вперёд. Так что такого в том, что один из них решил вернуться и посмотреть на плоды своих усилий? Просто прилетел в гости... обычное любопытство... ведь так?

Глава 4

— Поговорим?

Обед остался позади. Поезд бодро стучал колёсами, набрав приличную скорость, оставив позади провинцию Альтея. За окном сплошной стеной стоял густой величественный лес — мы углубились в земли Тургарии — край, над которым много веков безраздельно властвовал древний род Тургов.

Горничная, присланная герром Вольдом, оказалась на редкость толковой: накрыла стол в одном из купе, позвала нас к обеду, а потом тихо и быстро убрала посуду, оставив лишь бутылку вина и блюдо с фруктами — то, что нужно для дороги и разговора.

Ремо, откинувшись на спинку дивана, лениво разглядывал меня сквозь полуопущенные веки, медленно потягивая вино. Не только лицо — взгляд скользил по моим рукам, плечам, груди, изучал складки одежды и даже, казалось, следил за ритмом моего дыхания. Будто не смотрел, а оценивал, выискивая слабые места. От этого становилось тревожно и неудобно. Хотелось отвести глаза, заговорить о пустяках — или вовсе выйти из купе. Но я упрямо молчала, ожидая, когда он заговорит первым.

Дождалась.

В какой-то момент Ремо надоело играть в гляделки. Он

отставил бокал в сторону, и наконец нарушил затянувшееся молчание:

— Что ж, — его голос прозвучал непривычно мягко после гнетущей тишины. — Пожалуй, перейдём к делу. Расскажи о своём мире. У вас монархия? Есть ещё какие-то формы правления? Науки? Биология, физика, химия, генетика? Каких успехов добились? Есть ли войны? Каким оружием пользуетесь? Как живут люди, я примерно понял по тому городишке.

— Равноценный обмен? — посмела возразить я небожителю. — Ты тоже расскажешь о себе? Что значит: «для тебя прошло несколько месяцев»? Как это возможно? Почему ты назвал нашу планету Ка-пять-один-семь? С какой целью ты прилетел, где все остальные «боги»? И как долго ты намерен здесь задержаться?

Ремо криво ухмыльнулся.

— Ох. Как бодро ты начала... да ещё и силу использовала.

Не знаю, как у меня вышло — намеренно или на чистой интуиции. Я даже не сразу уловила момент приложения силы, просто, как обычно, мысленно произнесла пару слов на божественном, добавила обертонов, изменила интонацию... а он почувствовал влияние мгновенно.

— Для начала — познакомимся. Меня зовут Крэ-Мир-Тоба. «Ремо» — это, по-вашему, род. Или, скорее, клан. Я осведомлён об одном из талантов Хорнов — способности вытягивать признания силой слова. Поэтому сейчас я под-

чиняюсь твоей магии.

Слова прозвучали неуместно высокопарно и торжественно, словно он находился не в купе поезда, а на заседании Верховного суда. Картину дополнял и его вид: Ремо слегка склонил голову набок, принимая позу, до смешного похожую на ту, в какой дают присягу.

— Хотя у нас ментальные воздействия без разрешения запрещены.

— Запрещены? — я растерянно нахмурилась.

Ремо кивнул.

— Начну первым. И постараюсь говорить простым, понятным языком.

Я мысленно скривилась: не такая уж я и отсталая, чтобы мне всё разжёвывали. Я и сложные вещи понять могу. Ремо бросил на меня насмешливый взгляд, будто прочитал мои мысли, и начал говорить:

— Начну издалека. Наш мир не слишком добр к своим обитателям. У нас очень активное солнце. Бывало, корональные выбросы выжигали до четверти континента с той стороны планеты, что была обращена к светилу: сдирали атмосферу, кипятили океаны... пока мы не научились защищаться — отводить выбросы в сторону. Удивительно, что цивилизация вообще успела быстро развиваться при таких вводных.

И тут же, не дожидаясь моего вопроса, добавил:

— Наверное, излучение и помогло. Именно под его воздействием в людях начали происходить мутации. Не бу-

ду углубляться. Скажу проще: почти сразу эти изменения «разошлись» по признакам. У одних проявились ментальные способности: коммуникативные, как у тебя, управленческие, как у меня, эмоционально-творческие, как у Нурва, логико-интеллектуальные, как у Ките и другие.

Я замерла, понимая, что слышу вещи, которых наш мир ещё не знал. «Вот, значит как, — подумала скептически, — Нурвов наградили творческим талантом, а у нас они — просто шуты».

Ремо продолжал:

— Помимо ментальных есть и материальные таланты — у тех, кто работает с самой материей: Крей, Зорг, Горн. Есть энергетические — Верт, Умар, Шанк и другие. Мы называем себя люмами. Вы, как я понял, ариями. Вообще на нашей планете каждый человек — люм и обладает всеми возможными способностями.

Он вдруг прервался, взял вилку, почти беззвучно прошептал на божественном: «бенд» — то есть «сгиб», — и металл послушно согнулся дугой. Я уставилась на вилку, не в силах вымолвить ни слова — подобное могли сотворить лишь мама или Тимур.

— Но я всё-таки состою в клане Ремо, — продолжил чужак буднично, словно не сделал невозможного, — значит, ментальные способности у меня выражены сильнее. Скрещивать определённые таланты, чтобы усилить один выбранный дар, мы начали очень давно. Вам ведь знакомо опреде-

ление селекции?

Мне оставалось только кивнуть.

— Со временем кланы структурировались, — он хмыкнул, — даже не знаю, что случилось первым — названия кланов или новый алфавит, подстраивающийся под эти названия. А планетой давно уже управляют главы-старейшины — сильнейшие люмы, по одному от каждого клана.

— Почему у вас запрещено использовать силу? — меня этот вопрос интересовал больше всего. Ведь в моём мире наоборот — все хотят, чтобы арии магичили без остановки.

Ремо бросил быстрый насмешливый взгляд. Я вспыхнула и потупилась, к щекам прилила кровь. Да, вопрос был почти детским. Сейчас я одна Хорн со способностями на всю планету — редкость, легенда. А если бы здесь жили сотни Хорнов и тысячи Ремов? Что стало бы с обществом, если бы каждый мог безнаказанно лезть в чужую голову или подталкивать соседа к нужному решению?

Пришелец коротко кивнул — мол, правильно думаешь.

— Именно. Хотя раньше, на заре цивилизации, было всякое. И войны, и убийства, и противостояние, кто талантливее... — он неопределённо махнул рукой, будто даже вспоминать не хотел. — Поэтому первое, что учат в школах менталистов — не пользоваться магией, а сдерживать её. Чтобы случайно не повлиять, не нажать — даже без злого умысла — на чей-то страх, стыд или слабость. Мы тренируемся друг на друге, на учителях, животных...

— На животных? — переспросила я, — а как же Фархи? Ведь только они умеют управлять животными.

Ремо щёлкнул ногтем по бокалу и слабо улыбнулся.

— Фархи влияют более углублённо. Понимают мысли, желания, эмоции. Даже умеют разговаривать с животными на примитивном языке. Я же могу только управлять. Отдавать приказы.

Он сказал: «Отдавать приказы»? Действительно страшный дар — ломать волю другого существа. Я поёжилась и сухо спросила:

— То есть, магией ты вообще не пользуешься?

— Почти нет, — сказал пришелец уклончиво, — сначала долго учился, а после окончания... — он помолчал, подбирая слово на моём языке... — академии меня сразу отобрали для миссии.

Вот мы и добрались до самого интересного.

— Отбирали самых лучших и сильных люмов — молодых, закончивших образование. Ведь неизвестно, сколько пришло бы мотаться в космосе.

— Что за миссия?

Ремо не стал сразу отвечать, неспеша разлил вино по бокалам, пригубил свой, уважительно качнул головой и сказал:

— Вот, что мне нравится в отсталых мирах, так это примитивная еда и питьё. Вкус ещё не испорчен химией.

В отсталых, значит.

Я не позволила себе сорваться, ответив на его слова лишь

холодной, отстранённой улыбкой. Медленно выдохнула и взяла бокал с вином. Заметила быстрый взгляд Ремо на мои пальцы, обхватившие хрустальную ножку. Тонкие, бледные, с единственным украшением на безымянном — простым серебряным колечком, подаренным Демисом в день помолвки. Я носила его не как украшение, а как вечное напоминание о предательстве.

— Это была предыстория. Настоящее... точнее, то прошлое, что знаю я, — Ремо усмехнулся, — таково: наши учёные просчитали, на сколько лет ещё хватит нашего светила, пока оно совсем не слетит с катушек. Выходила совсем смешная цифра — тысяч на двадцать-тридцать, максимум пятьдесят. Поэтому старейшины дали приказ искать миры, где можно... продолжить жить.

Он говорил спокойно, ровно, почти без эмоций, будто читал лекцию студентам.

— В экипаж набирали люмов всех разновидностей... — он снова несколько секунд подбирал нужное слово, — силы. Брели молодых, образованных, одиноких люмов одного пола, как ты поняла, мужчин. Потому что даже на околосветовой скорости наш корабль мог лететь очень долго — сотни, тысячи лет по меркам тех, кто остаётся дома. Мы заранее знали: ни родных, ни друзей мы больше не увидим...

Ремо залпом допил вино и перевёл взгляд в окно. В стекле отразилось худое бледное лицо с тусклыми глазами. А ведь он и не отдыхал вовсе. Прилетел глубокой ночью, неизвест-

но, сколько времени провёл в дороге. Потом мобиль, поезд, наш разговор. Я злилась на его высокомерие... но цена этого высокомерия — неподъёмная усталость.

— Почему не увидите? — мой голос дрогнул.

Ремо качнул головой.

— Это сложная наука, тебе не понять, — попытался отмахнуться он, но, заметив упрямое выражение моего лица, всё-таки смягчился. — Ладно. Представь, что время — это река. Для того, кто стоит на берегу, она течёт с одной скоростью. Но если ты начнёшь плыть по ней, течение для тебя замедлится. Если совсем просто: чем быстрее ты движешься, тем медленнее для тебя идёт время по сравнению с теми, кто, скажем так, стоит на месте.

Честно говоря, я поняла только про реку и то не всё. Но, сделав умное лицо, задала ещё один вопрос:

— А что такое околосветовая скорость?

— Скорость, близкая к скорости света, — пояснил он. — Свет — самый быстрый гонец во Вселенной. Быстрее него разогнаться нельзя никому. Можно только... обойти. Мы придумали как.

Уточнять я не стала — поверила на слово. Да и кое-что я уже знала: в научном журнале писали, что свет распространяется не как попало, а с определённой, постоянной скоростью. Она настолько огромна, что на поверхности земли её не измерить привычными способами. Зато можно прикинуть, наблюдая небесные тела: сравнивая, как меняются их

положения и как запаздывает свет от событий на далёких планетах и у самого солнца, которые удаётся рассмотреть в мощные телескопы. Правда, точную цифру у нас пока никто вслух не называл — лишь осторожно говорили о порядке величины. Она была колоссальной.

— А по поводу названия. Это наша внутренняя аббревиатура. Ка — класс солнца «Като», пять — пятая открытая нами планета земного типа, один — она заселена гуманоидами, ноль — не заселена, семь — привлекательность по десятибалльной шкале — климат, континенты, океаны, воздух и так далее. Есть и другие цифры, описывающие планету, но тогда её название неимоверно удлинится.

Я понятливо кивнула. Он и вправду старался говорить на простом доступном языке. Основную часть я понимала, лишь кое-какие фразы вызвали недоумение.

— А что делает машина, которую вы оставили внутри горы?

— Это маяк, — расслабленно хмыкнул пришелец. Похоже, вино понемногу разъедало его привычное высокомерие, делая голос мягче, а жесты — свободнее. — С их помощью мы и обходим скорость света. Между двумя маяками корабль перемещается мгновенно — по линии фазового сшивания. Тридцать два резонанса выравнивают поле до устойчивого состояния...

Погорячилась на счёт «простого языка». Речь Ремо внезапно превратилась в набор странных неведомых звуков — я

понимала каждое слово по отдельности, но их общий смысл оставался за гранью восприятия.

— Эти машины очень дорогие и сложные в создании. Первую разрабатывали учёные всего мира. Она использует энергию всех кланов и активируется всеми тридцатью двумя видами силы — энергетическими, ментальными, материальными, пространственными и так далее. Так же много лет ушло на строительство корабля, способного перемещаться по маякам. Ключевые базовые маяки, как ваш, мы ставили на планетах, которые открыли. Они нужны, чтобы преодолеть притяжение, создать стабильный пространственный коридор, «туннель» для прыжка. Мелкие, промежуточные — в пустоте: на спутниках, орбитах, возле необитаемых миров на расстоянии светового года или двух друг от друга. Они просто ориентиры, соединяют маршрут в одну линию, сшивая промежутки... — Ремо продолжил, но дальше посыпалось что-то совсем запредельное: термины, длинные связи непроизносимых слов. — Проводят согласование частот, протягивают мост когерентности через пространство...

Ремо бросил на меня взгляд и чуть перекосил рот — то ли усмехнулся, то ли поморщился:

— Хотя нет. Это ты уж точно не поймёшь.

Я не стала обижаться. И так мозг работал на пределе своих возможностей. Голова кружилась, мысли путались, расплывались, как дым. Всё происходящее казалось не разговором, а бредовым сном. Привычный, упорядоченный, спокойный

и понятный мир рушился на глазах. Какие-то маяки, спутники, туннели...

— То есть маяк открывает путь? Это не храмовая реликвия, а дорога к вам? — попыталась перефразировать я его объяснения на свой манер.

— Реликвия? — хохотнул Ремо, — у нас нет реликвий, только инструменты.

Он осушил почти всю бутылку. Алкоголь тронул румянцем его скулы и зажёг во взгляде влажный, лихорадочный блеск. Вечно напряжённый, каменный подбородок наконец-то расслабился. Он полулежал на подушках, лениво перекатывая в пальцах хрустальный бокал, в гранях которого плясали лучи закатного солнца. И говорил. Мягко, неторопливо, почти по-доброму. В его речи божественный язык причудливо переплетался с обычными словами, а простые понятные объяснения — с холодными техническими терминами.

Удивительный. Непостижимый, как и они.

Я не перебивала. Слушала, кивала, ловила смысл между строк — и радовалась. Какой же молодец герр Вольд, что вместе с охранниками, горничной и припасами велел загрузить в наш вагон несколько бутылок отличного вина. Или на разговорчивость пришельца повлияла моя сила? Меня-то никто не учил сдерживаться, наоборот — я щедро вливала её в вопросы.

— Мы летели на околосветовой скорости, — рассказывал

Ремо, не спеша подбирая слова. — Находили пригодную для жизни планету, ставили на ней базовый маяк, активировали, отправляли координаты домой и двигались дальше, автоматически разбрасывая мелочь по пути. Для нас время почти не шло: в пути мы спали в криогенных капсулах. Но на нашей родной планете шли сотни лет. Экипаж просыпался только тогда, когда корабль находил следующий подходящий мир. На последней, вашей, пришлось задержаться — при прохождении атмосферы мы повредили один из парусов. Сплав, из которого он сделан, очень сложен и на борту не было его достаточного количества материала...

Я слушала, и всё казалось почти... обыденным. Почти человеческим — если бы не слова вроде «криогенных капсул» и каких-то «парусов», от которых внутри холодело. Немного напрягали долгие пристальные взгляды Ремо в мою сторону. Всё-таки, пьяный мужчина — не лучшая компания для девушки в тесном купе.

Наверное, я не должна была встревать в его рассказ. Но я встряла.

— А почему ты прилетел лишь через год после включения маяка? — сказала я и в ту же секунду захотела укусить себя за язык. Зачем. Зачем я спросила?!

Ремо изменился мгновенно — как если бы кто-то одним движением сорвал с него пьяную маску. Он подобрался, став похожим на хищника перед прыжком: глаза сузились в тёмные щели, ноздри затрепетали, а подбородок вновь заострил-

ся.

— Вот, значит, что... Вы включили маяк год назад?

Его голос был ровным, лишённым даже намёка на эмоцию, но у меня волосы зашевелились на затылке. Когда человек кричит, ты хотя бы понимаешь, что он чувствует. А здесь — холодная пустота, зияющая бездна. По спине побежали ледяные мурашки.

Я однажды, по просьбе короля, присутствовала на общем Совете, где отчитывались министры. Что-то не сходилось с докладами, я писала Эдварду записки — кто врёт, а кто говорит правду. Король гневался — и все в зале ощущали на себе его давящую ауру: даже мне хотелось склонить голову и прикрыть её руками, лишь бы спрятаться от этого невидимого пресса. Так вот — та сила не шла ни в какое сравнение с нынешней.

— Да, чуть больше года... — уточнила осторожно, опуская глаза, — а в чём проблема? Мы только недавно собрали всех ариев, — я исправилась, — всех тридцати двух представителей силы. Никаких записей за семьсот сорок три года не сохранилось. Мы должны были его включить раньше? Или не включать вовсе? На самом деле, мы и включили его случайно. Просто повезло... подобрали правильное слово...

Меня несло. Слова лились сплошным, неконтролируемым потоком — наверное, от страха.

Напряжение в купе можно было резать ножом. Я боялась даже моргнуть, чувствуя, как по виску медленно стекает кап-

ля пота. Мысли в голове путались, а сердце колотилось где-то в горле. Самое страшное заключалось в том, что я совершенно не понимала, *что именно* сказала не так. Поэтому я просто замерла, словно загнанная добыча перед хищником, боясь лишний раз пошевелиться и спровоцировать нападение.

Прошла минута и взгляд «бога» стал чуть менее уничтожающим. Давящая сила в купе тоже изменилась. Пришелец смог взять себя в руки.

— Расслабься. Ты не виновата, — вдруг сказал он спокойно. — Естественно, перед отбытием мы активировали маяк. Прыжок мгновенный только между двумя активными точками. Ваша планета стала последней, после неё мы отправились домой.

Его слова меня запутали ещё больше. Если прыжки мгновенны, то откуда взялись эти семьсот лет, если для Ремо прошло несколько месяцев? Логика подсказывала: раз наш маяк активен, время для нас должно было течь так же, как и для него. Растягивается оно лишь во время полёта на околосветовой скорости, но не в момент скачка. Здесь крылась какая-то нестыковка.

Зато стало ясно, почему он прилетел через год! Ремо же сам говорил: промежуточные ориентиры они разбрасывали на расстоянии года-двух друг от друга. Тех самых световых лет!

То есть, включившись, наш маяк послал вверх световой

столб-посылку, который целый год шёл до следующего. И как только сигнал дошёл — активировал туннель, втянув в общую сеть... Так же вроде? Не такая уж я и отсталая дикарка, как думает этот пришелец.

— Ваши предки выключили маяк. Тупое первобытное стадо... — ругнулся он, потом сказал пару совсем уж непонятных выражений.

Я нахмурилась, столько злости было в его словах.

— Как они смогли? — спросила я осторожно.

— Легко. Выключить легче, чем включить, — начал говорить Ремо, потом бросил на меня острый взгляд, и осёкся. — Мы знали, что аборигены могут что-то напутать, поэтому завалили пещеру, перекрыв вход. Но, видимо, Зорги откопали.

Я не стала подтверждать его слова. Да, летопись говорит, что Первый Храм начали строить у горы спустя несколько поколений после отлёта Богов. Вполне может быть, что Зорги и откопали пещеру. Только вот интересно, как наши предки выключили машину? Годами пробовали, перебирали варианты ладоней, или ещё проще — там есть кнопка или рычаг?

И самое главное — если маяк можно выключить, значит, можно запереть дверь для незваных гостей? Снова.

Пока я размышляла, Ремо успокоился окончательно. Он допил остатки вина, оставил бокал и принялся отщипывать от грозди виноградинки и закидывать себе в рот.

— Мы сами виноваты, — сделал вывод в итоге. — Не нуж-

но было изображать богов, — он хмыкнул. — Сами запустили мутации среди аборигенов из-за чего у вас начали рождаться люмы. Можно было предположить, что наделённые силой примитивные люди начнут эту силу беспорядочно использовать... Откапывать пещеру, тыкать в активаторы... — Ремо опять покачал головой, словно смеялся над собой. Потом шумно выдохнул и весело поинтересовался: — значит, мне повезло, что год назад ваши правители решили поиграть в богов и случайно запустить маяк? Что ж, скажу спасибо королю, при встрече.

Это «спасибо» прозвучало как угроза. Я медленно выдохнула сквозь зубы, опустила руки вниз, под стол, стараясь не показать, насколько дрожат пальцы.

— Если бы вы его не активировали, — продолжил он, уже деловым тоном, — я бы не долетел до вашей планеты, меня бы выкинуло в пространство у ближайшего промежуточного ориентира. Мой корабль с экипажем остался на орбите Зелено-один-ноль. Я и несколько других пилотов отправились на шаттлах проверить маяки и пригодность планет...

— Пригодность к чему? — мой голос резко сел.

Я слышала слова, но смысл ускользал: «сеть», «орбита», «шаттлы» — всё это было слишком чужим, чтобы уложиться в голове. Да я и не хотела укладывать. Акцентировала внимание на последней фразе. Нашей пригодности.

Ремо усмехнулся и хищно прищурился:

— Вот это тебя не касается, люма Хорн.

Я лихорадочно перебирала в голове другие темы: нужно было увести разговор, сбить этот опасный тон, пока он не врезался в меня окончательно. И вспомнила про «отпрысков» — зацепилась за слово, как утопающий за ветку.

— Я понимаю, что задаю глупый вопрос, но вы действительно женились на наших женщинах и создавали семьи? В наших легендах...

Ответом стал хохот.

Ремо откинулся на спинку дивана, запрокинул голову и расхохотался громко, зло, высокомерно — так, что мне захотелось его ударить.

— Чушь! — донеслось сквозь хохот. — Мы спали с вашими женщинами? Даже представить это мерзко. Грязные, вонючие, нечёсанные, одетые в шкуры оборванки с гнилыми зубами. Ваши старейшины приводили их к кораблю, предлагали своих дочерей — в жёны, в рабыни, в служанки...

На мгновенье я растерялась. Внутри поднялась горячая волна — смесь обиды, стыда и внезапной злости. Собрав волю в кулак, я с силой подавила внутренний бунт — сейчас важнее всего было докопаться до истины, какой бы отвратительной и горькой она ни оказалась.

— Но тогда... как появились дети? Ведь арии — ваши потомки...

Ремо посмотрел на меня снисходительно, как на ученицу, которая спрашивает очевидное.

— Мы провели на вашей планете почти год.

«И тут легенды соврали, — мрачно подумала я, — летописи говорили о десятилетиях». Пришелец продолжил:

— А чем было заниматься год всему экипажу, пока Зорг и Крей летали по планете, выискивая нужные материалы? Вот и предложили Ките с Бергом поиграть в генетику, поработать с ДНК. Ваша планета была единственной, на которой мы нашли разумную жизнь. Взяли нескольких девушек, которых нам подсовывали ваши правители, оплодотворяли их яйцеклетками с изменённой ДНК, усиленной нашей мутацией. Некоторые оказывались бракованными, другие приживались и женщины беременели. — Меня затошнило. Только не от лжи, а от осознания его слов. Как же мерзко...

Ремо невозмутимо говорил дальше.

— За год перебрали все тридцать две мутации. Ките даже поспорил с Бергом, какие из них приживутся труднее, какие легче. Опытным путём выяснили, что ментальные самые тяжёлые. Например, чтобы получить тебя, — от насмешливо ткнул в меня пальцем, — то есть, Хорна, пришлось искусственно оплодотворять женскую самку пять раз, пока зародыш не прижился. А для Ремо — и вовсе семь. Было любопытно. Искать ошибки в гене, гасить паразитные последовательности, выравнивать регуляторные зоны — пока матрица не перестанет рваться на стадии деления...

Он ещё говорил, но я уже не слышала. Хотелось отшатнуться, стереть с себя его слова, как стирают липкую грязь. Он сказал — *«любопытно»*? *«Женская особь»*? Словосоче-

тание прозвучало ещё более омерзительно, чем понимание того, что всё это для них была игра. Развлечение от скуки. Эксперимент.

Высокомерные, самодовольные «боги», безразличные к людям. Хотя, кто сказал, что боги должны быть милосердными и добрыми? Потому, что в летописях так написано? Они вполне могли быть злыми и жестокими. Как эти.

— В конце концов нам удалось получить устойчивый эмбрион, который приживался почти наверняка, — продолжал Ремо, как ни в чём небывало, — оказывался сильнее остальных в смешанном потомстве именно он «перетягивал» развитие на себя, и гены люмов брали верх над обычными.

— Ясно, — ответила ровно.

На самом деле я смутно понимала все эти термины. «Искусственно сделанный ребёнок» звучало так же невозможно, как «искусственно сделанное солнце». Зато, кажется, я наконец поняла, почему у ариев так мало рождается детей: мутации, ДНК, чужая генетика — цена эксперимента. Но один рождается всегда.

— Тогда ещё вопрос, — холодно поинтересовалась я, — зачем вы внесли условие утраты магии? Из-за этого за семьсот сорок лет её лишились почти все.

Ремо выгнул бровь и насмешливо фыркнул:

— Мы были уверены, что люди вскоре передерутся. Будут использовать дар для войн и убийств, как когда-то делали мы. Но нас ограничивало наше солнце, если бы мы не объ-

единились, то вскоре погибли бы все. — Он немного помолчал. — Ваши правители были предупреждены об этом условии. Поэтому, мы не виноваты. Если вы потеряли магию, то лишь по своей вине.

В его словах была жестокая, но правда. Я не стала зацикливаться на очередной насмешке пришельца.

— А условие возврата? — спросила быстро и процитировала: — «Умрёшь — обретёшь». Это что?

Пришелец качнул головой.

— Это была шутка, — развёл руками. — Никто не думал, что кому-то это удастся. Мы просто посмеялись. Ките предложил, Берг не стал отказываться.

Я с усилием стиснула зубы. Шутка. Посмеялись. Понимаю. Слова отдавали лёгкостью, будто речь шла не о жизни целых поколений, а о неудачной реплике за ужином. Я посмотрела на его руки — сильные, уверенные, спокойно лежащие на столе — и впервые за весь вечер захотела сделать больно. Не магией. Просто по-человечески. Замахнуться, ударить, разбить его кожу в кровь, увидеть её цвет, дать выход своей злости.

Но, конечно, не сделала. Я же ария Хорн, аристократка в боги знают каком поколении, одна из пяти магов, образец воспитанности, нравственности и благочестия. Лучшая выпускница Королевской академии, первая красавица королевства, и прочая, и прочая, и прочая...

Да пошло оно всё!

Разговаривать с пришельцем дальше не было никакого желания. Он вызывал во мне жгучий интерес и столь же сильное отвращение. Меня привлекали его чуждость, острый ум и бесценные знания. Отталкивали — высокомерие, гордыня, пренебрежение к другим... к нам. Даже его измождённый вид и проскальзывающий в голосе мужской интерес не делали его добрее, лишь добавляли ему человеческих черт.

И главное — я не считала его богом. Богом он был для людей семисотлетней давности. Для меня, человека современного мира, он оставался лишь продуктом высокоразвитой цивилизации. По сути, такой же человек, как я или любой другой, просто наделённый властью, древними знаниями и ледяной уверенностью в собственной непогрешимости.

— Добрых снов, — я поднялась с дивана как можно изящнее, будто манерами могла вернуть себе утраченное достоинство. — Постарайся хорошо отдохнуть. Мы приедем в Шалир к завтрашнему вечеру.

Я поняла, что, если останусь ещё на минуту — либо скажу лишнее, либо сорвусь. А сорваться означало потерять лицо.

Ремо проводил меня кривой усмешкой. Уже у самой двери я боковым зрением заметила движение: он открыл рот, словно хотел меня остановить или сказать что-то, но в последний момент передумал. Ощущение было такое, будто по коже провели невидимым лезвием — мне захотелось передёрнуть плечами и поёжиться.

Я дошла до своего купе и мысленно поблагодарила горничную за разобранную постель. В комнате пахло чистым бельём и спокойствием — таким редким и желанным. Разговор с пришельцем был интересным, но вымотал меня до доньшка. И самое главное — я чувствовала, что он ни разу не соврал.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.